

ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
И. Месхи. СТУЧИТ МАШИНКА
В. Очеротин. ДОБРЕНЬКАЯ НЕЛЮБОВЬ
МАЛЬЧИШКИ ШТУРМУЮТ НЕБО
Материал, защищенный авторским правом

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 20 (1821)

13 МАЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Совхоз «Пахта-Арал», Казахской ССР. Идет первичная обработка посевов хлопчатника.

Фото А. Гостева.

«ПРАВДА»—ГЛАШАТАЙ И ЗНАМЕНОСЕЦ ВСЕПОБЕЖДАЮЩЕГО УЧЕНИЯ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Торжественное заседание, посвященное 50-летию газеты «Правда». На снимках: вверху — вручение ордена Ленина газете «Правда»; внизу — в зале Кремлевского Дворца съездов.

Фото А. Гостева.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО

Ю. ДУБИНИНА,
специальный корреспондент «Огонька»

Этой выставки бразильцы ждали с нетерпением. Еще бы, предстояло знакомство с великой и для многих загадочной страной, о которой говорят и пишут так противоречиво. Со страной, где жил и работал Ленин, где на гигантских просторах идет невиданная в истории стройка. Со страной, сломавшей шею Гитлеру и запустившей к звездам чудо-корабли «Восток-1» и «Восток-2». Со страной, о которой изо дня в день враждебно пишет пресса, связанная с американскими информационными центрами.

Какой же он, Советский Союз? Ответа на этот вопрос тысячи бразильцев ищут сейчас на советской выставке, открывшейся в Рио-де-Жанейро, в огромном павильоне «Сао Кристобаль».

Ищут и находят.

Выставка отвечает всем. Отвечает девятью тысячами экспонатов, каждый из которых — окно в советскую жизнь. Подолгу стоят люди перед могучими грузовиками и моделями атомных реакторов, задерживаются возле станков-автоматов и буровых установок, листают советские книги, засыпают вопросами гидов.

Новые и новые посетители выставки смотрят, слушают, восхищенно покачивают головами. И в книге отзывов появляются взволнованные, идущие от сердца слова:

«После того, как я побывал на выставке, я понял еще лучше, почему люди борются за социализм».

«Восхищен выставкой. Поздравляю Советский Союз».

«Надеюсь, что эта большая выставка послужит сближению и укреплению дружбы между народами Бразилии и Советского Союза».

«Браво, русские!»

Советская выставка в центре внимания бразильской печати. Все газеты опубликовали отчеты о ее открытии, особо отметив тот факт, что Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев обратился с посланием к посетителям выставки. «Хрущев шлет приветствие, подчеркивая свое уважение к бразильскому народу» — под таким заголовком через всю первую полосу опубликовала полный текст послания газета «Жорнал до Бразил».

Газеты печатают многочисленные снимки, репортажи, свидетельствующие о большом интересе общественности к достижениям Советского Союза, о которых интересно и убедительно рассказывает выставка в «Сао Кристобаль».

...С утра до вечера толпится народ на советской выставке. Люди хотят знать правду о Советской стране.

Рио-де-Жанейро, 5 мая (по телефону).

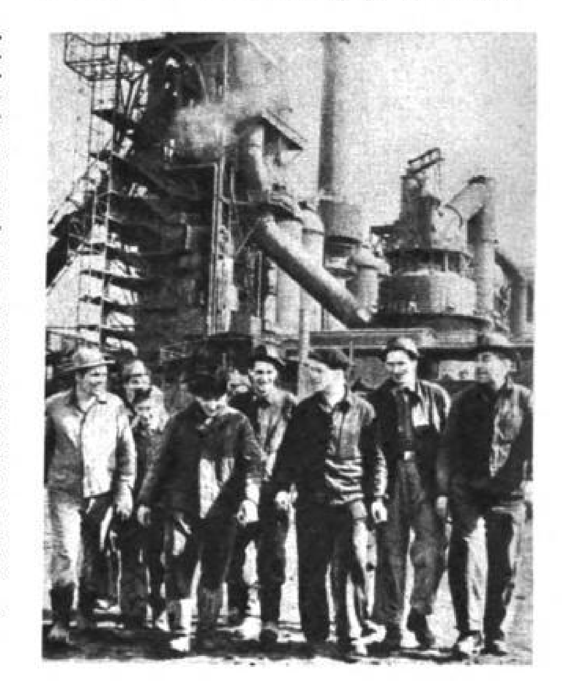
Президент Бразилии Жоао Гуларт (на снимке справа) осмотрел торгово-промышленную выставку СССР. Его сопровождал глава советской правительственной делегации министр внешней торговли СССР Н. С. Патоличев (в центре).
Снимок газеты «Ультима ора» (принят по фототелеграфу).

ПРАЗДНИК ОСВОБОЖДЕНИЯ

8 мая труженики Германской Демократической Республики отметили национальный праздник — День освобождения. Семнадцать лет назад, в мае незабываемого сорок пятого, пришла на немецкую землю весна новой жизни. На востоке Германии трудовой народ изгнал монополистов и юнкеров, взял в свои руки власть. Первое в истории Германии государство рабочих и крестьян — Германская Демократическая Республика — крепнет год от года. ГДР прочно занимает пятое место в Европе по выпуску промышленной продукции. За годы народной власти в республике созданы мощные индустриальные гиганты. В их числе построенный с помощью Советского Союза металлургический комбинат в Айзенхюттенштадте. На снимке вы видите рабочих этого комбината.

Фото Центральбильд.

А. ГОЛИКОВ

Перед новыми п

Открытое окно лаборатории выходит в зеленый садик. В тени липы, высунув красные языки, лежат четвероногие космические знаменитости: Белка, Стрелка, Чернушка... Я в научно-исследовательском институте, где занимаются подъемом живых существ на большие высоты, где проходят специальную подготовку будущие космонавты.

— Подопытные животные,— говорит нам научный сотрудник Иван Иванович Касьян,— будут и в дальнейшем помогать человеку проникать в космическое пространство. Можно полагать, что первым пассажиром межзвездного корабля, который отправится по маршруту Земля — Луна — Земля, будет собака.

Опыты над животными и позволили разработать надежную систему безопасного возвращения космонавта на Землю, в частности катапультирование с парашютом из кабины корабля, как это сделал Герман Титов.

При таком катапультировании на человека действует целый комплекс сильных раздражителей: выстрел пиропатрона, перемещение кресла, ударные перегрузки. Эти перегрузки могут вызвать кратковременную деформацию тканей тела, изменения деятельности сердечно-сосудистой системы, дыхания.

Поэтому у нас предварительно были проведены опыты катапультирования животных, когда на них действовала более чем двадцатикратная перегрузка. На сиденье катапультной установки помещалась кабина с собакой. Под креслом монтировалась физиологическая аппаратура. Животное располагалось по-разному: лежа, сидя, стоя. Перегрузка действовала кратковременно — от 0,1 до 0,5 секунды.

Эти опыты показали, что животные переносят катапультирование без последствий. Чтобы испытать безопасность возвращения космонавта на Землю таким методом, был выполнен летный эксперимент — катапультирование контейнера герметической кабины второго космического корабля-спутника с собаками Белкой и Стрелкой.

— А в исследовании вопросов, связанных с состоянием невесомости, подопытные животные использовались?

— Конечно! Но, кроме этого, проводились интересные опыты с людьми. Кратковременное состояние невесомости в течение 40—50 секунд достигалось при пилотировании скоростного самолета. Исследовалась, в частности, точность мышечного усилия — для космонавта это важно при пилотировании корабля.

В опытах принимали участие летчики. Каждый из них был натренирован в земных условиях сжимать пружину специального прибора с силой, равной точно 750 граммам. В условиях невесомости они повторяли это упражнение, а результат автоматически фиксировался киноаппаратом. После полета все летчики утверждали, что не заметили разницы в ощущении, преодолевая сопротивление пружины. Тем не менее анализ киносъемки показал, что почти все они прикладывали излишние усилия. Их ошибка колебалась от 150 до 1 250 граммов.

Это позволило заключить, что космонавт при работе с рычагами управления кораблем в начале состояния невесомости может допустить неточность движений. Что и учитывалось при подготовке будущих космонавтов.

Изучалась и координация движений человека, который не ощущает земного тяготения. В этом исследовании тоже участвовали летчики. В состоянии невесомости они, имея опору для руки, писали — почерк их не менялся. При работе на специальном приборе, координографе, оказалось, что движения выполняются несколько медленнее, чем на Земле.

Исследуя влияние, которое оказывает состояние невесомости на человеческий организм, ученые разделили участников опытов на три группы. К первой относились те, кто хорошо переносил невесомость, не терял работоспособности и ориентировки; во вторую группу вошли те, которым казалось, что в невесомости они двигаются в неопределенном направлении, висят вниз головой; у третьих состояние невесомости вызывало приступы морской болезни, лишало их трудоспособности.

Такое схематичное деление на группы применимо только при кратковременном состоянии невесомости. Но оно учитывалось при отборе космонавтов, при их подготовке.

— После полетов Гагарина и Титова в подготовке космонавтов что-нибудь изменилось?

— Прежде всего,— продолжает Иван Иванович,— эти полеты подтвердили правильность системы отбора и подготовки людей к космическим полетам, принятой в Советском Союзе. Наша система постоянно совершенствуется, и, естественно, полеты первых космонавтов внесли в нее некоторые коррективы. Известно, что Титову невесомость дала себя знать. У космонавта были некоторые сдвиги в вестибулярном аппарате. Это вызывало легкую тошноту, головокружение. Болезненные явления почти полностью исчезали, когда космонавт принимал исходную собранную позу и не делал резких движений головой.

Сейчас в тренировки космонавтов внесены изменения, направленные на предупреждение вредного влияния, которое может оказать на человека невесомость.

Вы, конечно, знаете, что укачивание на море, как и при полете

—ПОЗОР И ПРОКЛЯТИЕ АМЕРИКАНСКИМ АТОМЩИКАМ!—

ГОВОРЯТ: Лондон... Копенгаген... Токио...

Эти снимки сделаны в разных странах в один и тот же день. Место действия — площадки перед зданиями американских посольств. Сотни и тысячи людей выражают провокаторам войны гнев и презрение. Американские атомщики пожинают плоды своей преступной политики. Во всех странах, на всех континентах их клеймят позором как злейших врагов мира, врагов человечества. Шквал народного возмущения, который бушует сегодня по всей нашей планете, грознее и яростнее, чем волна, поднятая на Тихом океане американскими ядерными взрывами.

Фото ЮПИ и Джапан Пресс.

олетами в космос

на самолете, можно значительно уменьшить или даже полностью устранить путем тренировок, повышающих устойчивость вестибулярного аппарата.

После повторного всестороннего обследования космонавты теперь тренируются по специальному графику на вращающихся качелях (лопинге), батуде, рейнском колесе, а также на специальных стендах. Кроме того, увеличено количество полетов, особенно с созданием кратковременной невесомости.

— А плавание под водой входит в программу тренировки?

— Да, это в известной степени подготавливает организм, развивает точную координацию движений. Этому виду тренировки космонавтов большое внимание уделяют и в Америке. По сообщениям американской прессы, тренировки в плавании с аквалангом будущие космонавты проводили совместно с командой подводников-подрывников в Литл-Крике. Космонавты проплывали порой до полутора километров. Иногда упражнение усложняли — надо было плыть с завязанными глазами.

— А что можно сказать вообще об американской системе отбора и тренировки космонавтов?

— Средства вывода космических кораблей на орбиту и тип полета, имея в виду полет Гленна, приблизительно одинаковы как у нас, так и у американцев. Поэтому естественно, что отбор космонавтов и их тренировка имеют нечто общее. Американские специалисты тоже проводят отбор среди военных летчиков. Требуют идеального здоровья, устойчивой психики, опыта в летной работе.

Несколько иначе наши американские коллеги относятся к возрасту будущих космонавтов. Если Юрию Гагарину 28 лет, Герману Титову — 27, то Гленну — более сорока, Шеппарду — 38, Гриссому — 36. Если иметь в виду кратковременные полеты в космос, которые предстоят в ближайшем будущем, то разница в возрасте наших и американских космонавтов не имеет существенного значения. Однако при длительных полетах на другие планеты этот фактор следует учитывать. Потребуется огромное моральное и физическое напряжение. Естественно, что космонавт, которому перевалило за четвертый десяток, видимо, не сможет выносить его длительное время. Кроме того, в нашем понимании летчик-космонавт — это профессия. Она предусматривает не единичный полет, а регулярные полеты. Следовательно, чем моложе космонавт, тем дольше он сможет заниматься любимым делом.

На наш взгляд, американские специалисты неправомерно ставят на первый план чисто механическую тренировку космонавта, с излишней физической нагрузкой. Вообще же в американской школе, видимо, есть что-то поучительное, достойное внимания. Но мы категорически не можем согласиться с одним принципом наших американских коллег при создании кадров летчиков-космонавтов. В США самое важное значение придают вознаграждению космонавта. Американский физиолог Гератеволь так и рекомендует — говорить им только о риске и долларах. В Советском Союзе эту профессию избирают подлинные энтузиасты и патриоты.

Каждый советский космонавт, если пожелает, может в любое время беспрепятственно вернуться к прежней профессии. Только ни один из них этого не сделал. Наоборот, если над будущим космонавтом нависала угроза отчисления, он принимал все меры, чтобы этого избежать.

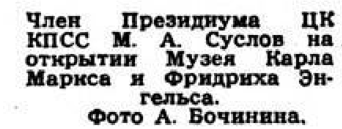
Так, например, один из будущих космонавтов, купаясь в речке, нырнул на мелком месте и сильно ударился головой о дно. Травма оказалась серьезной, и пострадавшего отправили в госпиталь. Вернулся оттуда он хмурым и печальным. Медицинская комиссия отстранила его от подготовки к космическим полетам на длительное время. Он умолял не отчислять его совсем, а временно перевести на любую должность, чтобы потом, когда здоровье полностью восстановится, снова проходить медицинскую комиссию.

Другому космонавту сделали несложную операцию. Однако только через шесть месяцев врачи разрешали ему выполнять серьезные физические упражнения. Встал вопрос об отчислении. Но он с огромной энергией боролся за свою судьбу; побывал на приеме у крупнейших врачей-специалистов, у старших начальников. Его страстная целеустремленность подействовала — летчика не отчислили. Решили понаблюдать, как он перенесет тренировки, к которым с должной осторожностью его допустили через два месяца. Прошло полгода, и будущий космонавт догнал товарищей по учебе.

В конце нашей беседы Иван Иванович рассказал, чем сейчас занимаются все будущие космонавты. Они много времени уделяют специальной подготовке на различных тренажерах, имитирующих космический полет. Один из них представляет собой кабину космического корабля «Восток». С помощью автоматики и электроники в этой кабине создаются условия, максимально приближенные к орбитальному полету. Двигая ручку управления, космонавт заставляет маневрировать «корабль в пространстве», а стрелки приборов отмечают все изменения.

Советская наука подошла вплотную к осуществлению космических полетов. Но это только начало. Перед учеными стоят еще огромные задачи, которые надо разрешить для того, чтобы человек мог совершать дальние рейсы во Вселенную.

Член Президиума ЦК КПСС М. А. Суслов на открытии Музея Карла Маркса и Фридриха Энгельса.
Фото А. Бочинина.

Директор музея Н. Н. Иванов знакомит члена Президиума ЦК КПСС О. В. Куусинена и секретарей ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева и Б. Н. Пономарева со стендом, где экспонируются личные вещи Карла Маркса.

ПЕРВЫЙ В МИРЕ

Памятник Карлу Марксу стал неотъемлемой частью московского пейзажа. А несколько дней назад в столице нашей Родины был открыт первый в мире музей основоположников научного коммунизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

На открытии присутствовали товарищи О. В. Куусинен, М. А. Суслов, Л. Ф. Ильичев, Б. Н. Пономарев. По поручению ЦК КПСС музей открыл директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС П. Н. Поспелов.

Наш корреспондент обратился к заместителю директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Н. В. Матковскому с просьбой рассказать о работе, проведенной в связи с созданием музея.

В 1920 году на заседании ЦК РКП(б) по предложению Владимира Ильича Ленина было принято решение об открытии в Москве музея по марксизму. Сейчас, когда он открыт и в его залах выставлено несколько тысяч экспонатов, среди которых есть уникальные, можно говорить о поистине титанической работе сотрудников Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и коммунистов зарубежных стран. Мы гордимся, что именно наша страна, наша партия, наши ученые сделали и делают все, чтобы сохранить для потомков живые свидетельства пламенной жизни основоположников научного коммунизма. Это и юношеские стихотворения К. Маркса, набросок плана и единственная страница черновика рукописи «Манифеста Коммунистической партии», написанная рукой Маркса и его жены, письмо Ф. Энгельса на девяти языках с его великолепными рисунками, подлинники первого и последнего номеров «Новой рейнской газеты», портрет Женни Маркс, медальон К. Маркса с его портретом и прядью волос. Все это в разные годы, как самые драгоценные реликвии, передали Коммунистической партии Советского Союза родственники Маркса и коммунисты братских партий.

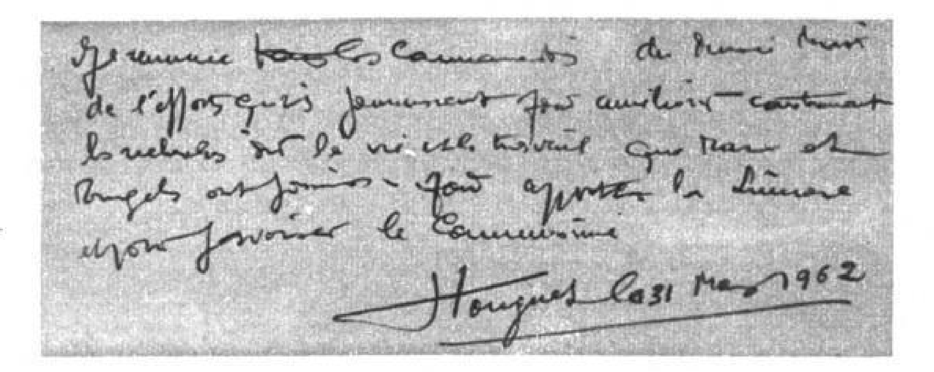
В музее выставлена книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», которая имеет интересную историю. Книга с автографом Энгельса «Моей дорогой Гертруде Бланк» подарена Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС во время войны родственником Энгельса Робертом Бланком, сыном Гертруды Бланк. В своем дарственном письме Р. Бланк писал: «...Мы берегли книгу, как драгоценную реликвию, свыше 55 лет, но в военное время, когда возможны всякие случайности, я нахожу, что книга должна находиться там, где она будет в вечной сохранности и где ее будут ценить не меньше, чем в нашей семье».

Один из залов необычен для музея. Он скорее напоминает библиотеку. Здесь сотни изданий одной и той же бессмертной книги — «Капитала». Внимание привлекают литографии американского художника-коммуниста Хьюго Геллерта, которые он подарил музею.

Другой зал посвящен «Манифесту Коммунистической партии». Здесь экспонируются недавно обнаруженные нашими историками страницы перевода введения и части первой главы «Манифеста», найденные при обыске у русского ученого-революционера Н. И. Кибальчича. Специальный зал посвящен триумфальному шествию идей марксизма-ленинизма в нашей стране и в братских странах социалистического лагеря.

Правнук Карла Маркса Фредерик Лонге побывал в музее незадолго до открытия и оставил в книге отзывов такую запись:
«Я благодарю всех товарищей из музея Маркса за усилия, способствующие постоянному улучшению исследований жизни и деятельности, которые Маркс и Энгельс посвятили торжеству коммунизма.

Ф. Лонге, 31 марта 1962 года».

МУЗЫКАЛЬН...

Н. ВЕРШИНИНА, Р. ЛИХАЧ

Это было накануне закрытия II Международного конкурса имени П. И. Чайковского. В Малом зале консерватории в ожидании решения жюри собрались пианисты. Пробило полночь. Прозвучали по радио все выпуски последних известий, уходили в типографию гранки завтрашних газет, а жюри все заседало... Ждали долго, разговаривали, английская речь мешалась с русской, французской, китайской...

Американский пианист Богас знакомит с Владимиром Ашкенази своего товарища. «Ашкенази!» — представляются оба, а затем смеются, обнимаются. Однофамильцы не подкачали: кажется, оба вышли в победители... Кто-то шутя советует Богасу задумать желание: оно обязательно исполнится, ведь он стоит между тезками. Вскоре желающих постоять между тезками набирается целая группа, особенно сюда стремятся пианисты, ведь сейчас жюри решает их участь.

Наконец далеко за полночь объявляют результат. Положительно, жюри выразило мнение всех, присудив первые премии Владимиру Ашкенази (СССР) и Джону Огдону (Великобритания).

Они очень разные, эти молодые музыканты. Ашкенази, быстрый, подвижный, кажется рядом с Огдоном совсем юным. Но за роялем раскрывается чистый душевный мир этого вдохновенного лирика, взыскательного, зрелого музыканта. Огдон — большой, мешковатый, бородатый, флегматичный. Медленно, несколько вперевалку подходит он к роялю. И тут... Тут совершается перевоплощение. Темперамент, пылкая фантазия захватывают слушателей. Поражают сила и мощь его аккордов, как и нежные, хрустальные звуки, прозрачные, словно весенняя капель...

Огдон торопится домой, в Англию: там объявлены его концерты. А потом вернется к нам на гастроли. Тем более трасса Москва—Лондон им уже хорошо освоена, ведь между I и II турами Огдон тоже летал в Лондон на выступления.

Но не все так довольны авиалиниями, как он. Как ни плотно был составлен график турне по Европе Вана Клиберна, он мечтал прилететь на заключительный вечер конкурса. В Москве было его сердце. Сколько раз он звонил Генри-

ГЕРМАН ТИТОВ — ГОСТЬ АМЕРИКИ

Американский космонавт Джон Гленн показывает Герману Титову капсулу «Фридом-7», в которой совершил полет астронавт Алан Шеппард.

«...Вывести корабль человечества на орбиту мира, прогресса и процветания, чтобы никогда, никогда пожар войны не смог обезобразить прекрасный облик земли». Эти слова, которыми советский космонавт Герман Титов закончил свой доклад в Вашингтоне, на сессии Международного комитета по исследованию космического пространства, отвечают думам и чаяниям всех людей доброй воли.

Тысячи и тысячи американцев тепло и сердечно приветствовали советского героя космоса. В Вашингтоне и Балтиморе, Сиэтле и Сан-Франциско его встречали словами дружбы. Народ Америки, выражая свои симпатии Герману Титову, мужественному сыну советского народа, подчеркивал желание жить в мире с Советским Союзом.

ЫЙ ФОРУМ

ете Беляевой, переводчице, с которой подружился еще во время I конкурса. Такого горячего болельщика не было даже среди слушателей в зале. Но, увы... график турне разошелся с авиационным... Пришлось Клиберну довольствоваться пока телеграммой. Вот она: «Москва — Шостаковичу. Мои сердечные поздравления всем лауреатам и участникам II Международного конкурса Чайковского. Пусть награда, полученная ими, значит для них столько же, сколько она значила для меня. Сожалею, что не могу быть вместе с вами в эти волнующие дни, но надеюсь присутствовать на следующем конкурсе. Искренний привет и самые теплые пожелания вам и другим выдающимся членам комитета, а также вдохновляющей и незабываемой музыкальной публике Советского Союза. Искренне Ван Клиберн».

Если бы Клиберн оказался 7 мая в Большом зале, когда на заключительный вечер собрались жюри, оргкомитет, участники конкурса, он увидел бы, что те, кому сегодня посчастливилось быть здесь, разделяют его чувства.

О радости участия в конкурсе, о больших чувствах дружбы, теплоты, любви, братстве, царивших на нем, говорил по-русски американский виолончелист Лесли Парнас, говорила и Наталья Шаховская.

Конкурсантов поздравили министр культуры СССР Е. А. Фурцева и Д. Д. Шостакович.

Затем победители конкурса дали концерт. Музыка Чайковского, воспевшего юность с ее светлыми идеалами, мечтами о прекрасном, музыка Чайковского, в которой сейчас раскрывали свои мечты, свои устремления молодые музыканты различных стран, звучала как призыв к дружбе, братству и миру.

8 мая в Кремлевском Дворце съездов Советское правительство устроило прием по случаю окончания II Международного конкурса имени П. И. Чайковского.

Собравшиеся приветствовали пришедших к ним товарищей Л. И. Брежнева, О. В. Куусинена, А. И. Микояна, М. А. Суслова, Н. С. Хрущева, Н. М. Шверника.

С высокой наградой поздравили лауреатов глава Советского правительства Н. С. Хрущев и другие. Молодые музыканты и члены жюри благодарили Советское правительство за сердечный прием.

На заключительном вечере конкурса присутствовали Л. И. Брежнев, А. И. Микоян и Н. С. Хрущев.

Джон Огдон исполняет Первый концерт Чайковского.

Даже Додди, жена, похвалила Владимира Ашкенази за выступление. А она очень строгий судья.

Друзья поздравляют Инь Чэн-цзуна (КНР) с присуждением II премии.

Итак, конкурс окончен! Сьюзин Старр (США) будет долго помнить дни, проведенные в Москве.

Герман Титов выступает на пресс-конференции в Вашингтоне.

Фото ЮПИ

МЫ ВЕРИМ!

Письмо греческих политзаключенных к читателям журнала «Огонек»

Наши соратники во второй мировой войне!

Когда чума гитлеровского фашизма сеяла смерть и опустошения в оккупированных странах и когти свастики раздирали глубокие раны на теле Европы — в Дахау и Освенциме, Орадуре и Лидице, Калаврите и Дистоме,— все народы, в том числе и наш народ, преисполненные решимости высоко держать честь человека, сохранить цивилизацию и обеспечить лучшее завтра для своих детей, сообща обрушились на фашистское чудовище и задушили его в собственной берлоге.

9 мая 1945 года радостно прозвучали колокола. Победа увенчала вашу борьбу, то, о чем вы мечтали, было завоевано,— новая, свободная жизнь началась для вас.

Но колокола Победы молчали в нашей стране. Сообщники оккупантов, стоявшие в стороне от героической эпопеи нашего народа, с помощью иностранных штыков захватили власть и ввергли нас в новую тьму. Во тьму, которая растет и ширится. Фашизм снова угрожает нашей родине. Антифашистская борьба для нас не закончилась. Вот уже 18 лет покрываются ржавчиной цепи, которые сковывают наши израненные в борьбе с фашизмом руки. 1 500 борцов Национального сопротивления гниют в темницах, потому что они ненавидели фашизм, боролись и продолжают бороться против него. Во имя нашей общей борьбы, во имя вашей любви к человеку, цивилизации и прогрессу мы обращаемся к вам, нашим соратникам во второй мировой войне, и просим вашей помощи. Мы верим, что эта помощь нам будет оказана. Мы выйдем из послевоенных греческих Бастилий. Наша страна будет спасена от нового фашизма.

По-братски жмем вашу руку.

За политических заключенных в тюрьмах Эгины
М. ГЛЕЗОС, А. АМБАТЕЛОС, Ст. ПАПАЯННИС, К. ЦАКИРИС.

Τό περιοδικό Πρός «Ογονέκ» — Μόσχα
Σοβιετική Ένωση

Συμπολεμιστές μας τοῦ Β' Παγκοσμίου Πολέμου

[illegible]

Σᾶς σφίγγουμε ἀδερφικά τό χέρι

[illegible]

Два следа протоптаны на крашеном полу приемной кабинета начальника. Один — широкий, яркий, как хвост кометы. Другой прочерчен легким пунктиром от стола, за которым сидит Вера Романовна и стучит на своей машинке. Вера Романовна, маленькая женщина со строгим взглядом синих глаз, носит туфли на высоких каблуках, делающих ее поступь степенной, неторопливой.

Другое дело те, из цеха. Они проносятся стремглав, гулко стуча башмаками по деревянному полу и едва успевая на ходу поднять к макушке руку. Это не приветствие, нет. Это вопрос: начальник, мол, у себя?

Вера Романовна кивает в ответ из своего угла. Она уже давно привыкла к этим вопросам без слов. Иначе прокатчики не общаются между собой. Разве только на совещаниях. Там действительно приходится поработать языком. Но уж если прокатчик разговаривает, он это делает громко, будто все еще находится у себя в цехе, где надо перекричать все и вся на свете.

Адски шумный цех трубопрокатный. Стучит впереди, сбоку, за спиной. Стучит под мостками, на которых стоишь. Над головой, скрежеща, проносятся краны. Бухают взрывы на автомат-стане, когда в трубную гильзу подбрасывают соль.

Вначале Вера Романовна ходила туда каждый день. Каждый божий день вызывал ее начальник и будто новость сообщал:

— А сейчас, Верочка, соберем народ на оперативку...

Начальник был мягкий, добрый и беспомощный. Вера относилась к нему хорошо, хоть он и раздражал ее своей неорганизованностью, доставлял много хлопот.

Тогда не было проходного туннеля. Надо было выйти из здания цехоуправления, сделать большой крюк и потом блуждать по всем пяти еще не достроенным пролетам. С операторами, возвышающимися на своих мостиках, как капитаны в рубке корабля, объясняться приходилось мимикой. Вера смотрела на них с тайной завистью: ведь она тоже должна была стоять здесь, с тем и ехала в Рустави из Иванова.

Иваново — ее родной город, но оставаться в нем больше не хотелось: с мужем разошлась, забрав с собой ребенка. Ей опостылела работа секретарши-машинистки, тянуло на большое производство. Но только не на ткацкое, которым в Иванове было пропитано все до ниточки. А тут вернулись две Верины сестры из Рустави. Ездили туда устраиваться на работу, но почему-то не понравилось им там. Мужчины, говорят, пристают...

Вера вскипела:

— Что значит «пристают»? Чепуха какая! Видимо, сами так себя ведете, что к вам можно «приставать»...

Взяла младшую сестру и поехала.

Город был еще совсем молодой, только поднимался. В Руставском горкоме комсомола сестер в тот же день направили на металлургический завод. Младшая устроилась инструментальщицей, а Вера... Вера проговорилась, что знает стенографию и машинопись, и ее попросили пойти на секретарскую работу. Хотя бы временно. Одно только условие поставила Вера: чтоб не в заводоуправление, а в цех. И вот ходила по цеху, приглядывалась.

Первый агрегат — «140», выпускающий трубы малого калибра,— уже работал. Второй — «400» — только пускали. О нем много говорили и гордились им. Его сделали на «Уралмаше». Один вес его чего стоил — 12 тысяч тонн! По проекту он рассчитан был работать на полуавтоматическом режиме, и, наверно, поэтому так долго возились с его наладкой.

Начальником пусковой смены назначили Павле Церетели, одного из мастеров, обучавшихся в Никополе, очень смышленого, работящего и скромного паренька. Вера познакомилась тогда в цехе со многими такими, как Павле, сельскими ребятами, прошедшими школу на Южно-Трубном заводе. Да почему только с ребятами? Здесь были и женщины — Нина Бенидзе, Маквала Квезерели и другие «никопольцы», ставшие к пультам управления, когда агрегат наконец пустили. Она учила их правильно говорить по-русски. Они учили ее грузинским словам. И, конечно, первое из них было «мили» — труба. Хорошее, мягкое слово. Оно Вере нравилось. Нравилось стоять на возвышении и смотреть, как железные пальцы поднимают, опускают, волокут эту самую «мили», как прошивают ее на станах, вытягивают, разглаживают, раскатывают...

Девятнадцать операторских пунктов на трубопрокатном агрегате — девятнадцать островков над грохочущим морем железа. Неужели ни один из них не будет Верин?

Между тем в верхних этажах цеха произошли события. Мягкосердого начальника сменил энергичный человек с брюшком, в сапогах и с резкими манерами. В первый же день он приказал:

— Вера Романовна, прикнопьте лист картона у вешалки: пальто пачкается!

И когда Вера Романовна запамятовала это выполнить, сделал ей при всех громкое, обидное замечание.

Да, он был крут, этот «новый». На дверях появились часы приема, которые Вера должна была строжайше соблюдать. Прекратилась беготня по цеху: оперативное совещание ежедневно в 12 часов — и баста! Посыпались приказ за приказом. О том, чтоб Вере Романовне уйти в цех, не могло быть и речи. Начальнику нужна была именно такая грамотная, деловая и сдержанная секретарша.

— Хотите взять из Иванова ребенка? Берите,— предлагал он.— Сделаем вам две комнаты. Хотите родителей перевезти? Сделаем три комнаты!

Вера Романовна получила трехкомнатную квартиру, в которой все семейство расположилось с удобствами.

Новый начальник с ловкостью мага выхватывал отовсюду всяческие блага для своих подчиненных. Он умел постоять за интересы цеха и там, наверху, в заводоуправлении.

— Крепкий руководитель,— говорили о нем.

«Умен»,— думала Вера, печатая под диктовку доклады, письма и прочие деловые бумаги. Вера любила книги, много читала, и ей импонировала образованность начальника.

И все же было непонятно: как при всем этом дела в цехе, в общем, не ладились? Конечно, производство было молодое, обнаруживалось много недоделок, но годы шли, трубопрокатный отставал, трубопрокатный не выполнял плана. Начальник жал на людей, люди были вымотаны, и Вера уже как-то не очень завидовала своим друзьям на мостиках. Это только вначале представлялось таким легким и эффектным — двигать рычагами у пульта. Десять тысяч операций в смену! Через каждые три секунды движение рукой: подхватить трубу, поднять центрователи, опустить центрователи, ввести трубу в стан, вывести ее, не забыть этого, не проглядеть того-то, а не то остановка, авария... Да люди же это, а не автоматы!

И секретарское место уж не вызывало у нее прежней неприязни, хотя, как и раньше, оно казалось ей менее значительным.

А перед теми шевелилось какое-то смутное чувство неловкости. Особенно перед такими, как Нина Бенидзе, которая была старше других операторов, работала лучше других и еще успевала заниматься депутатской деятельностью в городском Совете. Наверно, она и сама еще не замечала (а Вере все было видно из своего угла), как исподволь накапливается в ней усталость, бледнеет лицо, ложится у глаз сетка морщин. Ну, зачем же это раньше времени?..

Однажды прошел слух, что начальник уезжает из Рустави. Все же Вера привыкла к нему, к его авторитетному тону и твердой руке. Кто же теперь будет вместо него? Об этом в цехе судили-рядили все.

В этот день начальник велел собрать срочное совещание, видимо, для того, чтоб наконец-то объявить о назначении. Пришлось обзванивать все участки: кого-то не было, кто-то не отвечал. Вера Романовна нервничала. Под горячую руку попался Павле Церетели, который работал уже обер-мастером агрегата «400». Отругала и его в сердцах. И вдруг принесли из заводоуправления приказ. Вера глазам своим не поверила.

— Как?! Павле — начальник? Не может быть... Ведь он просто хороший, славный парень. Очень молодой. К тому же всего лишь техник, не инженер...

Целый месяц длилась передача дел. Оба начальника сидели вместе в одном кабинете, и Вера наблюдала, как упорно занимал Павле позицию с края стола, все стесняясь усаживаться на законное место. В действиях старого начальника было проявлено максимум доброжелательности к преемнику. И все же, когда он окончательно покидал цех, на лице его Вера Романовна прочла откровенно ревнивую мысль: «Посмотрим, как тут справятся без меня»...

Веру Романовну никто не собирался спрашивать, справятся или не справятся, но вместе со многими другими она подумала: «Хуже не будет»...

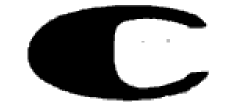
Незадолго до этих событий цех проводил на родину сорок румын. Уральцы сделали румынам точно такой агрегат, поэтому обучаться прокатке труб они приезжали в Рустави. И не успел новый начальник приняться за дела, как из города Роман пришло на завод письмо с просьбой прислать специалистов на время пуска агрегата. Начальник назывался в этом письме персонально. Вера Романовна сама читала: «...просим Павла Александровича Церетели...» Значит, думала она, несмотря на молодость, простецкий вид, верят ему?

...По-прежнему проводились в кабинете ежедневные оперативные совещания. Вообще весь порядок остался тот же. Разве что на табличку с часами приема никто не обращал внимания. Большей частью начальник находился в цехе. Говорили, что никто так не знает, не чувствует, не видит болячки обоих агрегатов — «400» и «140», как сам начальник. И потому, что он все время был около них, болячек становилось все меньше и меньше. Цех стал выполнять план. Трубы отгружались. Можно было успокоиться, если думать только о плане и только о трубах.

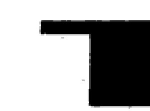
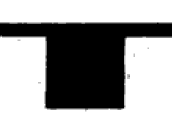
Вера видела, как с каждым возвращением из какой-нибудь поездки на какой-нибудь другой трубный завод Павел Александрович все больше задумывался. Сравнивал, что ли? Хотя сравнивать особенно не приходилось. Наоборот, везде, по словам начальника, было одинаково, везде труд операторов оставался изматывающим, а место вальцовщика у горячей трубы — очень тяжелым. Особенно на смене оправок у прошивного стана и у автомат-стана. Оправку, то есть тот снаряд, который прошивает стальную заготовку, превращая ее в трубную гильзу, или прокатывает эту гильзу, утончая ее стенки, приходилось менять вручную после каждой операции. А операций столько, сколько труб,— 500,800, 1000 в смену. А иная оправка весит до 60 килограммов! Можно ли на это смотреть спокойно? Никакая самая развысокая оплата не может оправдать существования такого тяжелого физического труда в наши дни.

Вера Романовна, конечно, не торчала день и ночь в цехе вместе со всеми. Какая бы от этого была польза? У нее и своих дел

Ия МЕСХИ

хватало по горло. А в цехе появились новые люди. Вернее, они были свои же, заводские: инженер Гурген Геворкян, инженер Дмитрий Шалыгин и несколько рабочих. Они называли себя лабораторией механизации и автоматизации. Они что-то мастерили в подвале, оборудованном для этой цели. Они пробовали что-то в цехе вместе с начальником. Иногда они спорили между собой, будто не одного и того же хотели. Вера, конечно, сочувствовала начальнику. Все-таки с него там, наверху, прежде всего требовали трубы, а все эти эксперименты на живом, горячем теле стального гиганта приводили к срывам графика. И все же эксперименты продолжались. Сначала Вера узнала о щеточных датчиках, которые установили у охладительных столов. С их появлением нужда в четырех операторах охладительных столов отпала, так как труба продвигалась на стол сама, без помощи человека. Потом Вера печатала приказ о переводе операторов стана горячей калибровки на другие участки. На этом месте, где то и дело были аварии, стало теперь спокойно. Постепенно от одного стана к другому ручные операции заменялись механизмами и автоматами. Надо сказать, что и лаборатория, сделав свое большое дело в трубопрокатном, выросла, выделилась в самостоятельный цех, потому что автоматизацией стали заражаться повсюду. И здесь, в трубопрокатном, появились способные люди, которые вносили свои предложения. Например, на прошивном стане было осуществлено предложение старшего мастера по инструментам Александра Убирая и мастера Ивана Ковбасы. Они изобрели замечательную вещь, на которую получили авторское право. Они создали такую оправку, при которой вальцовщик перестал каждые несколько минут кланяться раскаленному жерлу стана и ворочать тяжелые снаряды. Оправка стала несменяемой.

И вот на всех совещаниях стали твердить так, что Вере уже надоело стенографировать: надо добиться полной механизации и автоматизации всего агрегата «400». Это поднимет производительность труда. Это избавит людей от тяжелых работ. Правда, об этом уже давно думают ученые головы во многих странах. Но здесь, в этом молодом трубопрокатном цехе, кажется, уже совсем близки к цели. На всем пути превращения стальной заготовки в трубу — а это более километра — можно было оставлять одних лишь наладчиков и наблюдателей. Одно только доводило до отчаяния — смена оправок на автомат-стане. Тут все еще работали руки.

Павел Александрович ходил сам не свой. Вера Романовна перестала видеть его в кабинете. На автомат-стане испытывали конструкцию одного изобретателя, специально для этой цели приглашенного заводом с Урала. На конструкцию была ухлопана уйма сил, времени и денег. Но она не оправдывала себя. В этом убедились все, в том числе и сам автор. Но начальник все еще продолжал крутиться возле нее, что-то обдумывать, извлекать какие-то полезные идеи. Наконец отступился и он. Начался период какой-то депрессии.

Именно в эти дни нагрянуло в цех шумное племя киношников. Снимали художественный фильм «Добрые люди», в котором речь шла о таком же цехе и этом самом злополучном механизме. По сценарию все, конечно, было в порядке. Механизм работал отменно, и герои фильма шумно праздновали победу. Всех в цехе это раздражало невероятно. Говорили зло: конечно, в кино всегда так...

А в жизни?.. Мимо Веры Романовны проходили в кабинет, словно лунатики, «люди с идеями».

— Нет! Это не пойдет!..— доносилось из кабинета, где всегда было битком набито.

Прошел и Отари Блиадзе, механик с агрегата «140», вечный изобретатель и придумщик, огромный детина с добрым, рассеянным, детским выражением лица.

— Нет! Это не пойдет! — зашумели и на него.

Все же начальник взял у него листок с наброском кинетической схемы механизма. Видимо, что-то в этой схеме показалось ему интересным. Видимо, не прошли даром и ночные бдения возле неудавшейся «уральской» конструкции.

Наутро начальник явился возбужденный. Кепка, заломленная больше, чем обычно, держалась неизвестно на чем. Он вызвал к себе своего заместителя инженера Ираклия Жордания, и они засели в кабинете. Засели не на одну неделю...

Вере казалось: чего же столько сидеть, чертить, мучиться, если все ясно? Но до ясного было еще далеко. К идее механика требовалось придать идею прокатчиков. Ведь механизм имел дело с горячей трубой... А потом все это надо было разработать, уточнить, создать схемы в цехе автоматизации.

Все стало ясно, когда в кабинете начальника появилась небольшая рабочая модель нового механизма. Какое паломничество началось к нему со всего завода!.. К открытию XXII съезда КПСС у автомат-стана на смене оправок вместо вальцовщика появилось навесное приспособление, которое с точностью снайпера выстреливало оправку в трубную гильзу и забирало ее обратно. Внешне механизм напоминал согнутые в локтях две человеческие руки.

Вера Романовна отстукивала на машинке, в Москву, в Комитет по делам изобретений и открытий:

«Согласно вашему запросу... сообщаем... механизм имеет следующие конструктивные особенности...»

Все-таки получилось, как в кино. В глубине души никто не сомневался, что так и будет. И так приятно было Вере Романовне однажды утром положить на стол своего начальника центральные газеты, где в списке работ, удостоенных Ленинских премий 1962 года, значилась «Механизация и автоматизация трубопрокатного агрегата «400» Закавказского металлургического завода». Среди других имен было и имя Павла Александровича Церетели.

П. А. Церетели (справа) и О. С. Блиадзе.

Фото В. Джейранова.

Теперь в цехе людей, занятых на прокатке трубы, осталось мало. Они лишь наблюдают за исправными действиями механизмов, которых стало вдвое больше. Но многим совсем пришлось покинуть агрегат. Больно это было им? Да, больно. Они приходили к Вере Романовне, присаживались к столу, ища сочувствия. Нина Бенидзе стала поговаривать о пенсии. Приобретать новую профессию, привыкать к новому коллективу — это все равно, что начинать жизнь сначала. Но что им можно было сказать, кроме того, что все это к лучшему для них же самих: устроятся на работу полегче.

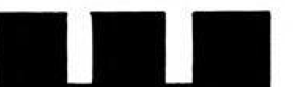
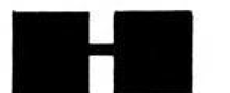
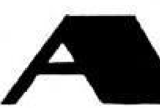
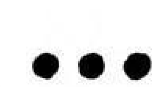
Теперь Вера Романовна все реже и реже спускается в цех. Девятнадцать мостиков, на которые она взирала когда-то с такой завистью, стоят еще пока, как корабли на приколе, с одними фотоимпульсаторами, очень напоминающими подзорные трубы древних мореходов. Проведешь по пульту пальцем — пыльный след...

А труб стало больше. И движутся они по линии сами — горячие, оранжевые с зеленым дымком, вырывающимся из отверстия. Ни одна человеческая рука не управляет этим торжественным, величавым движением.

...Было все — и мечты о «капитанском мостике» и разочарования. Но все эти годы Вера Романовна старалась быть хорошим помощником своих столь разнообразных начальников и поэтому испытывает чувство причастности ко всему, что они делали и делают. Вот и теперь в цехе будут автоматизировать другой агрегат, в цех будут приезжать люди с других трубопрокатных предприятий, чтоб поучиться. И опять поедет Павел Александрович по заграницам, объясняя: «У нас в цехе...», «Мы...»

Мы! Это значит и она, Вера Романовна, та самая, что стучит на своей машинке и встает на звонки — несколько шагов вперед, к двери кабинета, несколько — назад. Вечером делает уроки со своей Галкой, а потом забирается в кровать с интересной книжкой и читает, пока веки не нальются свинцом.

Только иногда кажется ей, что те, что проносятся мимо, похлопывая себя ладонью по макушке и скрываясь за дверью, где всегда битком набито, все же почему-то счастливее ее...

АШИНКА...

ПОДУМАЕМ, ПОГОВОРИМ, ПОСПОРИМ

Заметки писателя

ДОБРЕНЬКАЯ НЕЛЮБОВЬ

В. ОЧЕРЕТИН

В начале даже никто из руководителей цеха не мог объяснить причины несчастья. Произошло, говорили, неожиданное, никем не предвиденное, и вообще чертовщина какая-то. Олега Ивановича Маркова на выборах профсоюзного комитета прочили опять в председатели, а он не набрал и половины голосов!

Марков — молодой инженер. Чернявый, вихрастый, карие горячие глаза с прищуром. Приятный голос. Отличное, спортивное телосложение. Впервые я увидел его с год назад на вечеринке у начальника цеха. Олег Иванович пел шуточные песенки и смешные пародии собственного сочинения, ловко аккомпанируя на ложках, сыпал уморительными анекдотцами на «вечные» темы — муж, жена, любовник — и весело перетанцевал со всеми женами присутствовавших инженерно-технических работников. Душа компании! Любимец общества!

Придя в цех и поглядев на Олега Маркова, можно сделать поверхностный вывод: «Ну да! Стиляга! Вот коллектив и отверг его...» Действительно, Марков одевается по последней моде. Но и большинство в цехе носит зауженные брюки (других и в продаже нет). И девушки ходят в брюках, в облегающих свитерах. И секретарь партийного бюро не в кителе, галифе и сапогах, а в остроносых туфлях, темной паре, светлой рубашке, при тонком галстуке (между прочим, мастер спорта, видный инженер-рационализатор). Короче говоря, внешне, по одежде, в коллективе цеха не отличишь ни рабочего от инженера, ни отрицательного человека от положительного.

Массовик по характеру, Олег Марков, окончив шесть лет назад политехнический институт, пришел в цех большого завода и три года подряд избирался секретарем комсомольского бюро, затем три года председателем профсоюзного комитета. Работал освобожденным. И всегда вышестоящими товарищами ставился в пример. О его опыте работы не раз писали в заводской, городской и даже областной газетах.

Что же произошло?

* * *

— Ничего-о-о! Пусть поработает на производстве,— успокаивал не то меня, не то себя самого старый коммунист фрезеровщик Егоров, задумчиво захватывая в кулак гладко выбритый подбородок.— Вон у медиков: после института несколько лет не поработаешь по специальности — диплом не действителен. А инженеры? Бывает, всю жизнь так производства и не понюхает... М-м-да-а!.. В общем-то получилось неловко.

Мы сидим вдвоем в красном уголке цеха. Задаю околичные вопросы, пытаясь разгадать тайну взаимоотношений полутысячного коллектива с потерпевшим крах Олегом Марковым. Почему они так сложились? Отчего?

Цеховой комитет обновился почти наполовину. Все, кто был в списке для тайного голосования, набрали более девяти десятых голосов каждый. И лишь один, намечавшийся в главы цехкома, получил меньше половины. Но не спрашивать же по очереди всех членов профсоюза в упор: «Вы голосовали «за» или «против»?»

Тем более не задашь такого вопроса Егорову: он неожиданно для себя стал председателем цехового комитета. Сначала был обескуражен: сразу сто проблем встало перед человеком. Как с учениками на фрезерном станке? Как с недоведенными рационализаторскими предложениями, которые надо несколько раз опробовать самому на металле? Как с занятиями: он под старость заканчивает вечерний техникум...

И не сразу удается увлечь нового председателя проанализировать причины провала прежнего. Только язвительное замечание о том, что ошибок предшественника может не избежать и преемник, немного задевает Егорова. Рассуждаем. Он старается быть нейтральным в отзывах о Маркове. Но все-таки нет-нет да и прорывается его острое недовольство:

— Холера ему в бок! Все мои жизненные планы нарушил!.. Не уверен, что не забаллотируют,— не соглашайся на выдвижение твоей кандидатуры.

— Но,— возразил я,— по-моему, у него была полная уверенность, что его выберут.

— В том-то и беда нашего коллектива, что никто ему не намекнул,— соглашается Егоров.

* * *

Шаг за шагом восстанавливаем ситуацию.

Отчетно-выборное собрание было подготовлено вполне хорошо. Доклад Марков сделал достаточно самокритичный, содержательный, умелый. Предварительно обсудил его на цеховом комитете и учел все замечания, дополнения. Значит, дело не в докладе.

Изучаем протоколы прений. Выступления обыкновенные. Отмечалось, что цеховой комитет добился многого, говорилось и об упущениях, о недостатках. Критика была спокойной. Критиковали и самого докладчика. За то, что мало вовлекал в работу членов цехкома, профсоюзный актив, а все пытался сделать сам.

Как обычно на такого рода собраниях в наших заводских коллективах, большая часть разговора шла о производственных делах и совсем немного — о работе цехкома. Это, конечно, естественно: труд, выполнение плана, производительные силы — главная забота наших коллективов, научившихся смотреть в корень. В то же время подчас получается, что наши самые разнообразные собрания похожи друг на друга, вернее, все похожи на производственные совещания. И на этот раз подробного разбора деятельности отчитывавшихся членов цехкома, их достоинств и недостатков не было.

И по речам на собрании вовсе не чувствовалось, что Олег Марков провалится при выборах нового состава профсоюзного комитета. К тому же цех работал хорошо, расширился ассортимент продукции, выросла производительность труда, снизился брак. Многим рабочим присвоены звания ударников коммунистического труда.

* * *

Обратили мы с Егоровым внимание и на состав ораторов, обсуждавших отчетный доклад цехкома. Выступило на обеих частях собрания двадцать три человека. На обеих — потому, что работает коллектив в три смены, и обычно подобные мероприятия проводятся в два приема: и доклад дважды, и прения, и голосование, то есть вечером и утром, для каждой части коллектива.

Проанализировали.

Арифметика проста, но мысли она часто подсказывает сложные. Посчитали. Двадцать три выступления. Председатель завкома и инструктор обкома профсоюза, присутствовавшие на собрании, выступали дважды, на обеих частях. Начальник цеха — тоже дважды. Секретарь партийного бюро — дважды. Технолог цеха — дважды. Итого — десять выступлений. Остается тринадцать. Из них восемь ораторов — инженерно-технические работники, трое — служащие конторы, двое — рабочие. Выступления этих двоих были, пожалуй, самыми острыми. Они критиковали цехком за то, что общие собрания бывают редко, с одним, конечно, определенным вопросом, а повседневно с наболевшими делами выступать перед коллективом негде, так как стенгазета влачит жалкое существование — выходит раз в полтора-два месяца, и критические заметки в ней помещать не успевают «по причине старения». В протоколе значатся и реплики им из зала:

— Собраний и так много, чаще не надо!

— А стенгазета — не одного цехкома ответственность!

Итак, арифметика говорит: большинство ораторов, обсуждавших отчет Олега Маркова,— представители административно-управленческого аппарата цеха, командиров производства. Из четырехсот станочников брали слово только два. И это весьма удивило нового председателя. Егоров признался, что ему не приходило в голову анализировать собрание с такой стороны.

— Марков среди наших итээровцев свой человек, это верно. Получилось, что в основном они его обсуждали, они за него голосовали... Но председатель цехкома должен быть своим человеком у всего коллектива, а не у избранной части... Все теперь понятно. А работяги его не любят,— подвел он итог, как мне сначала показалось, несколько скоропалительный.

— Почему не любят? Насколько я представляю, Марков — общительный, веселый человек, простой в обращении с товарищами, обаятельный.

— Не со всеми,— осторожно возразил Егоров.— И не только в этом дело... Знаете, после двадцать второго съезда партии люди стали как-то по-новому подходить друг к другу...

— А именно?

— Не могу пока определить точно, но у меня такое чувство. Давайте посмотрим внимательнее...

И мы условились, что потолкуем с людьми. А потом сойдемся снова и поделимся своими впечатлениями.

* * *

Мне пришлось поговорить за неделю с сотней человек, не меньше. Почти все они — это было заметно — недолюбливали Олега Маркова. Я спрашивал: почему, по-вашему, его не выбрали? И получалось, что мне отвечали на вопрос, почему его не любят.

Пожилая сухонькая женщина в прозрачном капроновом платочке — уборщица цеховой конторы — ответила так:

— И правильно, что не выбрали. Молодой. Занесся. Барином стал. Придет — никогда руки не подаст.

Я пытался возражать:

— Это в книжках, Ольга Де-

Передовая вязальщица Витебской чулочно - трикотажной фабрики КИМ комсомолка Мария Путькина

Фото М. САВИНА.

ментьевна, руководители ходят по заводу и всем ручку жмут. Посчитайте: в коллективе пятьсот человек, и если каждому пожать (по минуте времени надо?), восьмичасового рабочего дня не хватит.

Но она быстро положила меня на обе лопатки.

— А всем, как в ваших книжках, не надо: у станка стоит человек — нечего его отрывать. Но я-то ему каждый день кабинет мою, пыль вытираю. Я на заводе со дня основания, еще траншеи рыла для фундаментов. Со мной директор завода за руку здоровается — не боится свою замарать. А Олегу Иванычу и «здрасте» тяжело сказать! Небось, когда он пришел в цех молоденьким инженерчиком-несмышленышем и сразу не мог получить место в общежитии, я его у себя приютила, неделю у меня жил. А теперь он меня и с Восьмым марта не поздравляет. Всех конторских, у которых ножки на работе в капрончиках, поздравил, а меня — нет! Какой же это председатель цехкома! Это профорг в конторе! Не-ет, что ни говорите, калибр не тот!..

Как правило, мои собеседники мало делали таких обобщений. Говорили, словно подчеркивая сугубо личное отношение к Олегу Маркову. Но нелюбовь проскальзывала почти явная.

* * *

Рослый парень в клетчатой рубахе и замасленном берете—резьбонакатчик, ударник коммунистического труда — долго отнекивался: дескать, он не думал о причинах провала Маркова, поэтому не может ответить на вопрос. Но потом все-таки высказался:

— Ну и что же, что не выбрали? Хватит. Теперь уж, наверное, долго не будет справлять новоселье... Я вот четыре года как из армии демобилизовался, работаю — не ругают. И который уже месяц прошу квартиру — жениться бы надо. Но ведь в общежитие жену не приведешь... Марков не отказывается, а говорит: женишься, нарожаете детей—пожалуйста! Поставим тебя на очередь. А как быть? Жениться не можно, пока нет квартиры, а ее не дают, пока не женишься... Самому-то Маркову ладно — он после общежития уже во вторую квартиру переехал: в двухкомнатную, потом в трехкомнатную, хотя семья — трое.

Я проверял. Действительно так. С жильем за последнее время положение намного улучшилось, завод строит немало, цех каждый год получает изрядное количество квартир. Но вот на этом «фоне», например, начальник цеха за послевоенные годы трижды справлял новоселье, каждый раз расширяясь при неизменном составе семьи.

Витебскому ковровому комбинату первому в Белоруссии присвоено звание коллектива коммунистического труда. За последние годы на комбинате значительно поднялась производительность труда — она достигла уровня, запланированного на конец семилетки. Почти все работники предприятия учатся. На снимке: одна из лучших ткачих жаккардового цеха, Анна Масловская.

Фото М. САВИНА.

* * *

Подковыристая и жизнерадостная бригада молодых шлифовщиц в одинаковых комбинезонах домашнего шитья — бригада коммунистического труда, разговорившись, разоткровенничалась наперебой:

— Марков? Олешек?.. О-о-о!.. Мы даже бутылку шампанского распили по поводу его свержения. Ему назло!..

И смеются.

— Почему же назло?

— Он однажды у нас праздник разогнал — мы Тамарин день рождения отмечали.

— Заставил коменданта акт составить. Выпитие в общежитии — запрещаемое событие!..

И опять смеются:

— Зато сам!..

— Что сам? — спрашиваю.

— Когда начальство где-нибудь собирается, наш Олешек первый бежит на ложках поиграть да потанцевать.

— Нет, девочки, раньше комсоргом он был все-таки ничего.

— Тако-о-ой же!.. Ты просто неравнодушна, ничего не видишь.

— Наш Олешек деградирует. Самодеятельность бросил.

— Ну, как же! Председателю цехкома разве можно в шумовом оркестре участвовать или в хоре петь? Это же подорвет авторитет Всемирной федерации профсоюзов!

— Видите ли, раньше мы сидели на собраниях и думали: пусть выбирают куда угодно, кого угодно — все равно, лишь бы не меня. А теперь наш цех борется за звание коммунистического — сознательнее стали. Теперь нам не все равно. Вот взяли и нашего Олешека прокатили. А Петра Максимыча Егорова выбрали.

— Петр Максимыч не станет отираться возле начальства.

— Да-а, теперь наш Олешек не начальство.

— Что ты! Он душу отдаст, чтоб хоть каким-нибудь начальством пристроиться. Вот увидишь!

* * *

Помню, как я, перейдя с завода работать в газету, получил после одной корреспонденции нагоняй от сурового редактора: «Начальство» писать нельзя. Это слово пренебрежительное. У нас руководители — плоть от плоти, кость от кости простых рядовых тружеников». И даже ссылка на стихи Алексея Суркова: «Был он разведчик бесстрашный и тонкий. И к ордену главным начальством представлен» — не спасла меня тогда.

Заводской народ все-таки употребляет выражение «начальство». Причем о хорошем, уважаемом руководителе (редактор в чем-то был прав) так не скажут.

И я с грустью думаю о незавидной судьбе такого начальства, как Олег Марков. В самом деле! Вот уже полмесяца он никак не может найти себе работу, должность по сердцу. Цеху нужны сменные мастера, руководители участков, то есть инженеры. Но никто не настаивает, чтобы Марков возглавил какую-то часть производственного процесса, потому что и сам он категорически не хочет и опыта у него нет.

А как сетует инструктор обкома профсоюза. «Вот беда,— говорит.— Перспективный товарищ! Мог бы стать и председателем заводского комитета. Потом и выше пойти!.. Нет, тут что-то не так, тут явно кто-то поработал или кто-то у кого-то пошел на поводу. Надо бы разобраться, найти, привлечь к ответственности!»

Рассказывают в цехе, что инструктор даже попробовал было уговорить секретаря партийного бюро «начать выяснение», но тот лишь буркнул сердито: «Надо понимать...» Сам инструктор, следует заметить, тоже инженер, поработавший на производстве восемь месяцев девять лет тому назад.

Правильно, очень правильно решил XXII съезд нашей партии, что необходимо постоянно обновлять состав выборных руководителей. (Неплохо бы, чтоб и инструкторы наших комитетов тоже были выборными.) И как приятно, что в передовых коллективах и организациях уже следуют рекомендациям съезда.

* * *

Бесспорно, в наших выборных органах должны быть и постоянные деятели — профессиональное ядро соответствующего профиля. И Владимир Ильич Ленин подчеркивал, что в таких делах нужна прочная, устойчивая и хранящая преемственность когорта руководителей всех масштабов — от великого до малого. У нас должны быть кадры специально подготовленных, прошедших хорошую школу практики вожаков.

Но это должны быть люди, беззаветно и бескорыстно преданные порученному делу. Люди высокого долга. Люди, пользующиеся безграничным доверием и любовью масс. Люди со всесторонней теоретической подготовкой, с высочайшей сознательностью. С мужеством и отвагой в служении массам. С умением постоянно расширять и укреплять связи с трудящимися массами, воодушевлять их, вести за собой.

Так учил Ленин. И типу «жалких кустарей» противопоставлял он истых народных трибунов, истых руководителей рабочих масс.

Не спешим ли мы иногда делать пожизненно профессиональными вожаками шустрых парней без трудового, без производственного опыта, не знающих, что такое работа в сфере создания материальных ценностей, научившихся лишь красно говорить — докладывать, призывать и отчитываться? Как предотвратить несчастье, как быть с ними, чтоб они не портились, подобно Олегу Маркову, не утрачивали доверия, не теряли любви масс? Какой же он слуга народа, если половина коллектива отвергла его? (Берусь утверждать, что некоторые в коллективе равнодушно, механически проголосовали «за». Когда повысится их сознательность, они тоже будут «против» таких.) Как же такой, как Олег Марков, будет осуществлять на деле провозглашенную XXII съездом нашей партии заповедь о том, что мы, коммунисты, существуем для народа и служим народу?

* * *

Правильно сделали, что его не выбрали.

В лучшем случае, Олеги Марковы — чиновники по соответствующей линии. Именно — жалкие кустари, деляги, хорошо умеющие лишь не забывать себя.

К такой печальной мысли я пришел, когда поговорил с токарем средних лет — бывшим танкистом легендарного Уральского добровольческого танкового корпуса. Он ранен трижды в Отечественной войне, и ему иногда надо полечиться, съездить на курорт. Нынче он там был. Но речь его нервна и негодующа:

— Я голосовал против Маркова. Записался в прениях, но уже кричали: хватит, подвести черту! И слова мне не дали... А я хотел сказать ему... Сказать, чтоб не злоупотреблял... Понимаете, я просил путевку: шесть лет на курорте не был, и прижало — надо подремонтироваться. Марков говорит: «Пожалуйста! Достаю путевку. Бери!» Но только на зимние месяцы и только за сто процентов стоимости. Для меня дороговато, семья большая. Прошу со скидкой, пусть даже не в бархатный сезон, но со скидкой. Нет, таких нету. Что ж, поднатужился — съездил. А потом узнаю: сам-то Марков каждое лето на курорт ездит да с женой. Причем ему путевка — бесплатная, а жене — тридцатипроцентная.

Да. За три года работы Олег Марков трижды ездил с женой на курорт на профсоюзные денежки.

Можно было бы еще добавить о его немалых личных сбережениях на черный день. Но это уже неинтересно.

* * *

Как станет работать новый председатель цехового комитета?

В условленный день мы встречаемся с Петром Максимовичем Егоровым. Он настроен мрачно.

— Не любил Маркова коллектив, а начальство в нем души не чаяло. Удобный. Ласковый. Против ветра никогда не шагнет. А уж своих дружков всегда оделит всеми благами профсоюза.

Стараюсь развеять пессимизм нового председателя. Хотя и все ясно, полушутя спрашиваю:

— Какой же главный вывод делает его преемник?

Егорову не до улыбки. Говорит серьезно, весомо:

— Главное, знаете, что плохо?.. Мы сейчас два часа толковали с секретарем партийного бюро, с некоторыми старыми коммунистами. И пришли к единодушному выводу. Главное, плохо то, что ни один из голосовавших против кандидатуры Маркова не встал на собрании, не покритиковал его хорошенько, не отвел из списка для тайного голосования, не возразил тем, кто его выдвигал и нахваливал... Урока-то он не получил! И другим науки нет!.. А почему так? Добренькие мы все, ох, и добренькие! Никто не захотел выглядеть нехорошим в его глазах. Вот! Уметь говорить требовательную правду товарищу в лицо, во весь голос — для этого нужен соответствующий уровень сознательности. Вот мы и решили: будем повышать его и повышать. И стенгазету наладим...— Он помялся и, улыбнувшись, добавил: — И потом, знаете, о чем я договорился? Буду неосвобожденным председателем цехкома. Да, да! Это же лучше: и я от станка не оторвусь, и весь цехком будет вынужден в нашей профорганизации работать лучше, и актив... Все-таки мы боремся за звание цеха коммунистического труда!

Я от всей души пожелал Петру Максимовичу успехов в его новой, трудной, сложной и благородной работе.

Коллектив цеха сделал очень важный шаг.

А вы как думаете?

Для юных слушателей вещают юные дикторы. Московские школьники ведут передачу «Пионерской зорьки».

ГОЛОСА В Э

Диктор М. А. Иванова.

— Наклон больше, еще больше,— настойчиво просит преподаватель гимнастики Н. Гордеев.

В редакцию поступает немало писем с просьбой рассказать о работе Всесоюзного радио, опубликовать фотографии тех, чьи голоса так хорошо знакомы всем радиослушателям.

Об этом просит В. А. Иващенко из города Покровска, Т. И. Постнова из Камень-Каширского и другие читатели.

На «Трехгорку» в бригаду прядильщиц приехал комментатор «Последних известий» Ю. Скалов. Он берет интервью у Лиды Ильичевой.

Мы встречаемся с ними изо дня в день. Не наскучило ли? Скорее другое — их исчезновение даже на один вечер все тотчас бы заметили: не восполнят тишину в эфире ни газеты, ни журналы.

Не один десяток лет, как радио вошло в жизнь. Его голоса наполняют наши комнаты, и тогда кажется, что в них стало больше людей, интересных, знающих, всегда пунктуальных, умных.

В их голосах столько тепла и участия, что у каждой семьи нет сомнения: беседуют именно с ней. Это ей рассказывают, что происходит во всех уголках земли и какие есть вести из космоса. Для нее приглашают к микрофону ученых, международных комментаторов, говорящий журнал, веселую песню и физкультурную зарядку...

Мы отправились в студии и редакции Всесоюзного радио. Редакция «Последних известий» встретила нас собранной, без намека на суматоху. Сорок раз в день, говоря языком радио, выходит редакция «Известий» в эфир. Это двадцать страниц большой газеты, напечатанной убористым шрифтом. События в ней порой не имеют даже часа давности.

Десятки штатных и нештатных корреспондентов радио пишут ежедневно летопись страны, звучащую голосами новостроек, летопись трудовых героических дел. А вот Виталий Журкин, один из зарубежных корреспондентов радио, ведет репортаж прямо с улиц сражающегося Лаоса. И среди грохота сражений ровный голос корреспондента, которому каждую минуту угрожает гибель.

Вероятно, немного осталось на земном шаре стадионов, откуда не вел бы репортажа Вадим Синявский. Услышать его — значит увидеть до тонкостей то, что происходит на футбольном поле, узнать, как разворачиваются события на ринге, или в бассейне, или на шахматном турнире!..

Мы читали на дверных табличках, какие здесь находятся редакции, и каждый раз словно включали приемник. В ушах начинали звучать комичные, жизнерадостные голоса знаменитых капитанов, писклявый дискант Буратино, «Октябрятской Звездочки». А потом как будто включались другие станции, и мы слушали музыку, передачи для молодежи, спектакли...

Одна из дорог привела нас в Дом звукозаписи — дом музыки. Здесь записывают голоса певцов, большие симфонические и эстрадные оркестры...

В одной из студий шла репетиция спектакля. В другой, которая походила размером на добрую площадь, звучал польский ансамбль.

Где царит еще, кроме радио, буквально вавилонское смешение языков? Из Москвы радио транслирует передачи на шестидесяти языках народов Советского Союза и на сорока одном для зарубежных слушателей.

Не всякий даже самый одаренный артист способен участвовать ежедневно в нескольких премьерах. А ведь чтение диктором нового текста по радио не что иное, как премьера. И притом трудная: она идет перед микрофоном, который не ограничивает аудиторию.

Диктор перед микрофоном — это прежде всего внимание. Мы находились в комнате вместе с диктором, когда он объявил радиослушателям о перерыве «с 15 часов до 16-ти». Потом, выключив микрофон, сказал нам: «Видите табло? Лишь после того, как на нем вспыхнут слова «Все готово!», я объявлю о новой передаче».

Мы ждем. Диктор поглядывает на часы: ему выступать сейчас по другой станции. Стрелка уже чуть отклонилась от цифры «3». Что случилось? Почему не дают сигнал? И вдруг, словно его ударило током, диктор вскакивает и прерывающимся голосом бросает на бегу: «Следующая передача у меня из другой студии!» А в аппаратной уже трезвонили наперебой телефоны: волновалась диспетчерская...

Жаль, не удалось нам побывать на творческом отчете дикторов. Он проходит не так, как все подобные отчеты,— диктор молчит. Он только приносит на суд товарищей несколько записей в своем исполнении и ставит их одну за другой на магнитофон. Записи прослушивают с не меньшим вниманием, чем жюри конкурса музыкантов-исполнителей: «Есть ли убедительность и обаяние в чтении диктора?..» Ведь так важно, чтобы голоса тех, кто говорит с нами, были голосами друзей.

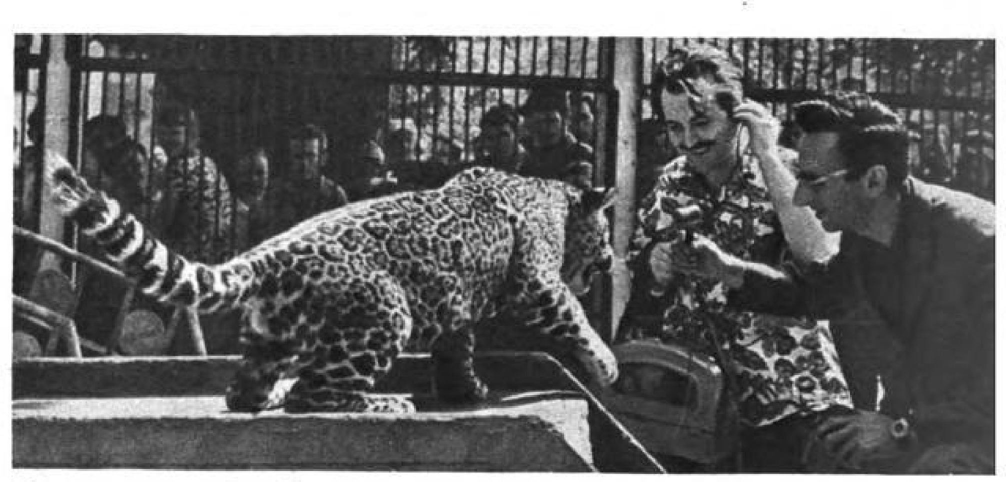
Л. БИРЧАНСКАЯ

Фото Е. УМНОВА.

Ю. Б. Левитан.

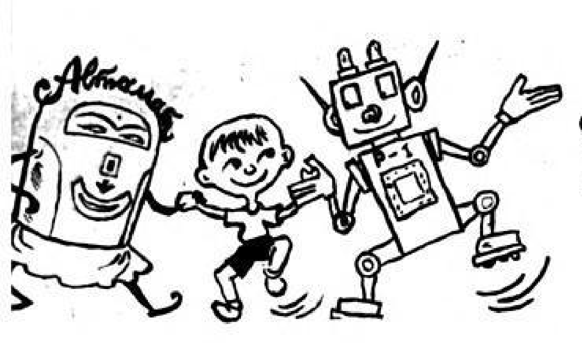

Корреспонденты Лев Лукьянов и Георгий Фере берут интервью для «Доброго утра».

Непринужденно и живо течет беседа международных комментаторов Э. Мамедова, О. Чечеткиной, В. Матвеева, В. Шрагина, В. Кудрявцева, Н. Полянова за «круглым столом» радио.

Малышам

И. ХОЛИН

Умные машины

Умные машины
Продают билеты,
Добрые машины
Делают конфеты.
Строгие машины
Площадь подметают,
Сильные машины
Уголь добывают.
Славные машины
Сеют кукурузу,
Быстрые машины
Перевозят грузы.
Смелая машина
Ракета
«Восток»
Прошила,
Как шило,
Небесный потолок.
Мирные машины
Работают дружно.
С этими машинами
Подружиться нужно.

Сергей КОЗЛОВ

Как солнце светит

Сияло на небе солнце. Сияло оно ярко-ярко и мрачнело только тогда, когда черные тучи закрывали от него землю.

Но пришел вечер. И скатилось солнце с неба и упало в реку.

Река та была Днепром. И понесла она, покачивая, солнце к огромной плотине — Днепрогэсу.

Ударилось солнце о Днепрогэс и разбилось на тысячи кусочков. А люди подобрали эти кусочки и разослали их по проводам во все концы земли, во все города и села. И зажглись во всех городах и селах электрические лампочки — маленькие кусочки солнца.

А когда люди уснули и выключили свет, маленькие кусочки солнца побежали на Восток, чтобы успеть к утру собраться там в одно большущее солнце. И поднялось на небе на следующий день солнце, и сияло оно так же ярко, как всегда.

А когда солнца утром нету — значит, оно нужно было людям ночью и просто не успело собраться.

Платон ВОРОНЬКО

Муха — зверь

Далеко летала муха,
Села Грицю прямо в ухо.
Гриць услышал, что жужжит,
Он как крикнет: «Зверь рычит!»
И смеются все теперь,
Что для Грица муха — зверь.

Перевел с украинского
Вл. Шуваев.

Борис ТИМОФЕЕВ

Веселые загадки

Пыль увижу — заворчу,
Заверчу и проглочу!

(Пылесос)

Всегда — на двух я берегах,
Вишу я — стоя на ногах.

(Мост)

В труде горяч я и тяжел,
Там всюду гладь, где я прошел.

(Утюг)

ЕРТЕ

Доктор СЕЙС Рисунки автора.

И ахи и охи, и охи и ахи
На острове Чере-Пепере-Папахе
И ахи и охи, и охи и ах,
Жил Ертель, жил Тертель — король черепах.
Он в луже на камне огромном сидел,
Сидел он на камне и лужей владел.
Красивая лужа. Опрятная лужа.
И очень приятная лужа к тому же.
В ней сколько угодно зеленой воды,
И мошек, и крошек, и прочей еды.
И были в ней счастливы все черепахи.
И ахи и охи, и охи и ахи!

Но как-то король черепаший сказал:
«Я хмурюсь. Мой трон мне и низок и мал.
Конечно, владею я всем, что я вижу.
Но Ертель, но Тертель! Как мало я вижу!
А если бы, если я выше сидел?
Я больше бы видел, я всем бы владел!
О, как бы я был и велик и высок!
И каждый кричать бы восторженно мог:
«Да здравствует Ертель, король черепах!»
И ахи и охи, и охи и ах.

И топнул ногою он: трах-тарарах!
«Подать сюда девять моих черепах!
А ну-ка влезайте,— скомандовал он.—
Одна на другую и стройте мне трон!»
И вот уж на новом он троне сидит:
«О чудо! Какой замечательный вид!»

Кричал он, вопил, от восторга балдея:
«Я вижу все это и этим владею —
Я кошки король, я король стрекозы,
Коровы король, и осла, и козы,
Кита в океане и зайца в кустах!»
И ахи и охи, и охи и ах.

ЛЬ-ТЕРТЕЛЬ

Король поднимался все выше и выше.
Вдруг жалобный голос он снизу услышал.
И он огрызнулся: «Ну что там такое?
Кто смеет меня, короля, беспокоить?»
Тут самая нижняя Мак-черепашка
В ответ простонала печально и тяжко:
«Простите покорно за смелые речи,

Болят у меня и колени и плечи.
Величество Ваше, Высочество Ваше,
Терпенье подходит к концу черепашье.
Поверьте, едва я стою на ногах».
И ахи и охи, и охи и ах.

И Ертель и Тертель взревел: «Замолчи!
Эй ты, недостойный, меня не учи!
Король я великий, а ты просто так —
Всего черепашка по имени Мак».

Ревел, и кричал, и вопил он. И в страхе
Ползли отовсюду к нему черепахи.
Их братья, и сестры, и дяди, и тети,
Которые жили в соседнем болоте.
Их бабки, и дедки, и папы, и мамы
На Мака-беднягу карабкались прямо.

Король разъярился: «Эй ты и эй ты!
Закройте сейчас же немедленно рты!
Я выше вас всех. Я — над тучей, над морем.
И мне подчиняться должны вы, не споря!»

Но вдруг он заметил, что в небе луна
Над ним проплывает кругла и бледна.
И рявкнул король черепаший: «А ну-ка,

Как смеет быть выше меня эта штука?
Молчать! Не позволю! Я выше построю
Свою пирамиду и вдвое и втрое.
Сейчас позову черепах отовсюду:
Хочу я быть выше, и выше я буду».
И он приказал с королевского трона:
«Подать мне немедленно три миллиона
Шесть тысяч пятьсот тридцать семь черепах!»
И ахи и охи, и охи и ах.

Тут маленький Мак рассердился немного.
К тому ж промочил свою заднюю ногу.
И, трон сотрясая, раздалось внез-ап-
но громкое, звонкое, гулкое: «Ап-
Чхи!..»

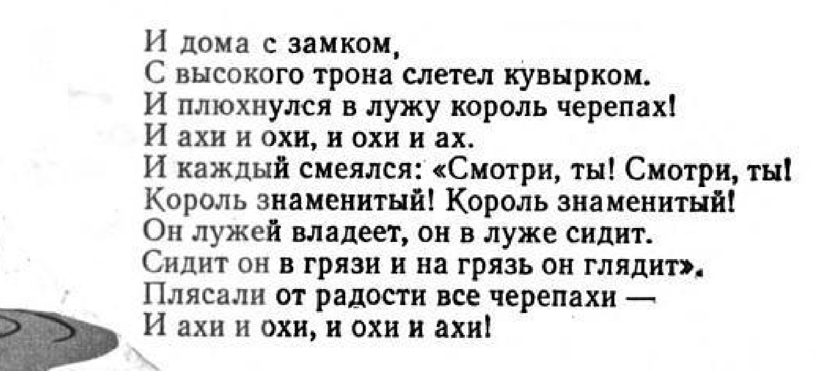
И Ертель и Тертель,
И Тертель и Ертель,
Король и куста,
И лужайки, и ветра,
Деревьев король, и козла, и вола,
Собаки король, и пчелы, и осла.
И кошки с коровой,

Росла и росла черепашья гора.
И Ертель кричал от восторга: «Ура!
Коровы мои, и ослы, и козлы.
Я ветра король, мотылька и пчелы,
Куста, и собаки, и дома с замком,
Кита в океане, лужайки с цветком.
И мне подчиняются кот и свинья.
Да здравствует Ертель! Да здравствую я!»

Король поднимался все выше и выше,
И снова он жалобу Мака услышал:
«Высочество Ваше, Величество Ваше,
От тяжести спины трещат черепашьи.
Сидеть наверху Вам, конечно, прекрасно,
Но мы здесь внизу голодаем ужасно.
Когда ж Вы отпустите нас, черепах?»
И ахи и охи, и охи и ах.

И дома с замком,
С высокого трона слетел кувырком.
И плюхнулся в лужу король черепах!
И ахи и охи, и охи и ах.
И каждый смеялся: «Смотри, ты! Смотри, ты!
Король знаменитый! Король знаменитый!
Он лужей владеет, он в луже сидит.
Сидит он в грязи и на грязь он глядит».
Плясали от радости все черепахи —
И ахи и охи, и охи и ах!

Перевели с английского
Евгения ГАЙ и Феликс ЛЕВ.

ЭШЕЛОН ЗА ЭШЕЛОНОМ...

В комплексной технологической лаборатории «Ростсельмаша», которой присвоено звание коллектива коммунистического труда. Старший инженер Ю. А. Матвеев, начальник лаборатории В. П. Монченко и лаборант Л. Н. Сурикова.

Эшелон за эшелоном уходит из Ростова с новенькими комбайнами...

Более 200 самоходных зерноуборочных комбайнов СК-4 монтируют каждый день сборщики главного конвейера «Ростсельмаша». Несколько эшелонов!

Новая машина более совершенна, чем выпускавшийся до февраля нынешнего года комбайн СК-3. Ее производительность на 25 процентов выше. Это сулит большой экономический эффект. Созданный в Таганрогском конструкторском бюро, которое возглавляет Х. И. Изаксон, этот комбайн доставил ростсельмашевцам немало хлопот: нужно было на ходу перестроить производство. Но коллектив решил задачу с честью, и в дни работы мартовского Пленума ЦК КПСС из заводских ворот вышел первый эшелон с новой продукцией.

Конечно, и сейчас еще случаются неполадки. То кузнечный цех задержит заготовки, то прессовый не подаст на сборку вовремя панели молотилок. Это и понятно: ведь новая технология уточняется в процессе производства. Но разгон уже взят: каждые пять минут новенький СК-4 выходит из сборочного цеха.

К. САДОВСКИЙ

Фото А. Щекочихина.

ДИРЕКТОР ЧИСТОТЫ

Гости знакомились с симферопольской тепловой электростанцией. В электроцехе, где трудятся прославленные кузнецы энергии, завоевавшие право именоваться коллективом коммунистического труда, один из пришедших попросил:

— Назовите, пожалуйста, ваших лучших людей.

— Матрена Семеновна Блохина,— в один голос ответили начальник цеха и секретарь партбюро.

— Кто она? Инженер?

— Нет, не угадали,— улыбнулся парторг.— Матрена Семеновна у нас директор. Директор чистоты и уюта. А проще — уборщица.

...Когда входишь в электроцех, кажется, будто попал в оранжерею. Цветы на подоконниках, на полу, возле агрегатов. Лимоны, олеандры, китайская роза как бы протягивают навстречу людям гроздья цветов. По цеху плывут волны аромата. Цветы не только украшают цех, но и вызывают у людей улыбку, хорошее настроение.

Нелегкая жизнь была у Матрены Семеновны: ей пришлось растить детей одной. А когда она вступила в дружную семью энергетиков, люди сразу пришли ей на помощь. Матрене Семеновне предоставили квартиру, устроили ребят в школу и детсад, поддержали деньгами.

И как бы в ответ на каждое доброе дело людей в цехе зажигался живой огонек — поднимался к солнцу новый цветок. Все чище, все уютней становилось в цехе.

Как-то Блохина заболела. За цветами стали ухаживать мужчины. Но через неделю упругие зеленые фонтанчики начали никнуть, цветы зачахли. Приуныли парни, будто по их вине произошла авария сложного агрегата.

Оправившись после болезни, Матрена Семеновна начала лечить своих питомцев. Подкормила их каким-то раствором, вымыла каждый листок, распушила землю, досыта напоила ее чистой водой. И цветы ожили.

Вот почему в цехе так любят своего директора чистоты и уюта, вот почему портрет Матрены Блохиной висит на доске почета.

Б. АЧКАСОВ

Фото В. Литвякова.

1812 ГОД

В этом году советский народ отметит 150-летие Отечественной войны 1812 года.

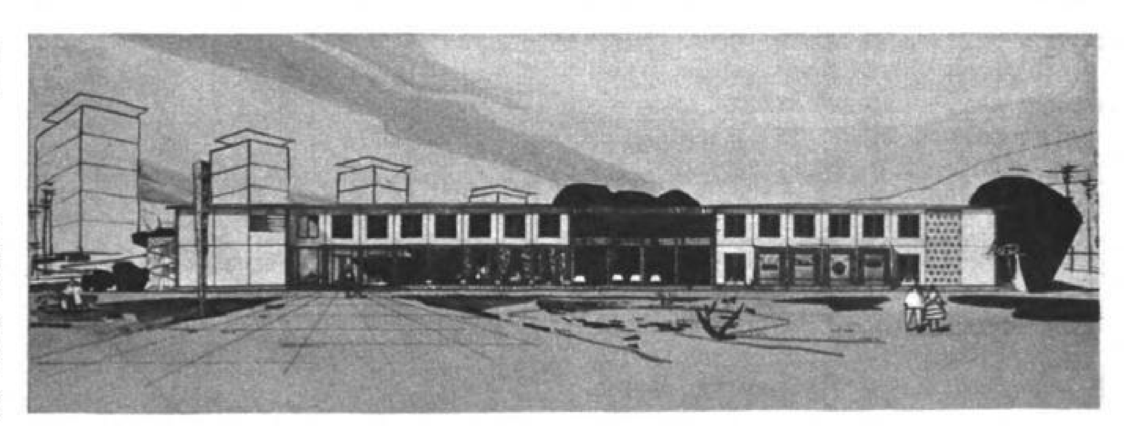
К славному юбилею готовится целый ряд научных коллективов страны. Наш корреспондент посетил Центральный государственный военно-исторический архив СССР, где хранится свыше трех миллионов дел, отражающих героическое прошлое русского народа с конца XVII века по 1918 год. Начальник архива полковник И. С. Назин рассказал:

— В ЦГВИА СССР сосредоточены все основные документальные источники по истории Отечественной войны 1812 года. Еще в декабре 1960 года мы провели заседание научного совета, на котором выступил доктор исторических наук профессор Л. Г. Бескровный с докладом о подготовке к 150-летней дате войны. Архив совместно с Институтом истории Академии наук СССР подготовил большой сборник документов «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года», в котором впервые обобщаются материалы государственных архивов, характеризующие участие народных масс в войне 1812 года.

Сотрудники архива готовят документы для выставок, работают над статьями и публикациями для периодической печати, радио и телевидения, помогают студиям «Мосфильм» и «Моснаучфильм», которые создают фильмы «Война и мир» и «Бородино».

Для экспонирования на выставках отобраны наиболее яркие документы по истории Отечественной войны, например, диспозиции и донесения о Бородинском сражении, о Тарутинском марш-маневре русской армии, о действиях партизанских отрядов и отрядов народного ополчения. Среди документов — подлинные рапорты и приказы Кутузова, Багратиона, Давыдова и других героев Отечественной войны 1812 года, а также редкие печатные издания.

ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Суббота... В этот день мы уходим с работы на два часа раньше. Хороший день, но для хозяйки дома он очень хлопотный. Надо всюду успеть: взять продукты в магазине, зайти за полуфабрикатами в домовую кухню, занести в починку детские сандалии. Да, еще в прачечную придется белье отвезти. И, конечно, нужно забежать в парикмахерскую, привести себя в порядок перед воскресеньем. Чтобы все эти заведения обегать, часа тричетыре понадобится.

Кандидат технических наук А. Бабаханов и архитектор С. Моисеева разработали проект кооперированного общественного центра. Здесь все под рукой: парикмахерская, чайхана, комбинат бытового обслуживания, столовая на 75 мест, магазин, домовая кухня. В двухэтажном здании расположится также клуб на 200 мест. Помещение клуба днем будет использовано как спортзал.

Объединение доброго десятка культурно-бытовых учреждений под одной крышей в центре микрорайона очень удобно. Пять минут ходьбы — и вы на месте, даже если дом ваш расположен на краю микрорайона! Облегчится и задача строителей. Сооружение комплекса потребует примерно на пятую часть меньше средств и стройматериалов, чем если все строить по-старому, в разных местах.

Первый такой комплекс будет сооружен в Таджикской ССР.

Вл. КРУПИН

Рисунок С. Моисеевой.

ОСТРОВОК

Виктор **КОНЕЦКИЙ** Рассказ Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Было смешно смотреть, как они бегут по скользкому льду вокруг острова, задрав головы, лая с надсадом, хрипло или тонко, яростно и в то же время просто весело, с любопытством. Их было шесть собак и два белых медвежонка. И каждый раз, когда прилетал ледовый разведчик и делал низко над островом круг, чтобы сбросить ледовый вымпел, они неслись за ним, за его тенью, задрав башки и взрываясь в лае. Во льду были трещины и полыньи. Но свора неслась, ничего не видя и не чуя впереди. Они начинали тормозить уже в самой близости от полыньи, приседая на задние лапы, тщетно пытаясь удержать свои разогнавшиеся тела на скользком льду, и слетали в темную, жирную от мороза воду, и выныривали, злые и раздосадованные; вылезали обратно на лед, дымясь и оскальзываясь, делая в то же время вид, что, мол, ничего особенного не произошло, что они специально нырнули в воду, что им нравится купаться.

А самолет в это время делал новый круг над островом, и, завороженные недосягаемостью самолета, его скоростью, они опять забывали обо всем и неслись за его тенью, лая надсадно и весело. И все повторялось: свора купалась в полынье и вылезала, сконфуженная и мокрая.

Мы выгружали на далекий арктический островок сборные лопасти ветряков и картошку, печной кирпич и уголь, и много других грузов для зимовщиков. И приходилось все время ругаться с ними. Зимовщики требовали поднять грузы на береговой откос. Их было только семь человек на острове. И чтобы поднять груз на откос, им предстояло работать всю бесконечную, кромешную зиму, в мороз и пургу. К тому же сама полярная станция находилась на другой стороне острова в двенадцати милях от места выгрузки и еще надо было перевезти уголь, картошку, кирпич на замерзающих тракторах и капризных вездеходах через холмистую заснеженную тундру.

Мы понимали, что зимовщиков ждет каторжная, опасная работа, но ничего не могли поделать. Была уже поздняя осень, наш капитан был стар и осторожен; он достаточно рисковал, когда вообще шел сюда, в ледовую западню. Два года к острову не могли пробиться суда. Станция оказалась под угрозой закрытия. И только поэтому наш капитан рискнул, ворча, и ругаясь, и проклиная Арктику. Тяжелые льды надвигались с норда, и у нас не было времени поднимать грузы на десятиметровый береговой обрыв. Полярники понимали это не хуже нас, но спорили и ожесточались. А мы понимали полярников и все равно ругались с ними и сбрасывали грузы прямо на ледяной припай.

А в перерывах между работой мы смотрели на свору из шести собак и двух медвежат. Мы привозили им с судна всякую еду — остатки супа, кости, хлебные корки — и выливали всю эту теплую бурду на лед; лед таял, собаки и мишки вылизывали еду и снег, порыжевший от томатного соуса. Они всовывались в протаявшие ямы, надо льдом оставались только их зады.

Собаки и мишки встретили нас первыми, они пробежали двенадцать миль от станции быстрее людей и вездехода. Сперва черные медленные точки среди бесконечной белизны мягко холмистой тундры. Потом быстрые пестрые шарики. Потом слабый лай. Потом лохматые линючие псы у самого уреза воды, взволнованно вертящие хвостами, и два грязных, в соляре и угольной пыли медвежонка, принятые в собачью компанию на совершенно равных правах. Они радостно приветствовали наш вельбот, не боялись нас и не облаивали нас, доверчиво подходили под руку. И мы сразу полюбили их, и очень захотелось привезти на судно одного мишку. У нас на судне не было никаких зверюг, а с ними веселее плавать.

Вожака своры звали Рыжий, он был самый молодой, но и самый сильный, лохматый и хитрый. Единственная сука, тощая и болезненная, с низко отвисшими сосцами, судорожно поджатым хвостом, тоскливыми, слезящимися глазами, Верка держалась в стороне от всей своры, но и она не выдерживала, когда прилетал самолет и делал над островом низкий круг. Тогда Верка тоже неслась за его тенью и лаяла весело и самозабвенно, наплевав на свои собачьи болезни и заботы.

А мишки были близнецами, их мать убили весной, они выросли среди собак и, наверное, пока думали, что и они собаки. Полярники стреляли для них чаек, и только этим мишки отличались от псов, которые не едят чаек даже в Арктике.

Работа на выгрузке, когда нет причала, когда судно стоит далеко на рейде,— тяжелая работа. И темп еще был очень большой. Мы работали и днем и ночью. Бригада «Ух!» и бригада «Ах!». Выгрузка из трюмов на понтон, буксировка понтона среди льдин к берегу, перевалка на тракторные сани, оттаскивание грузов к откосу. И покурить удавалось только тогда, когда понтон застревал во льдах. В эти редкие минуты мы собирались у костров, собаки и мишки подходили к нам, мы играли с ними, возились, фотографировались с медвежатами. И каждому хотелось оказаться на фотографии поближе к зверюгам.

Зимовщики, обиженные на нас, курили отдельно, сидя на ящиках, угрюмые и отчужденные, глядели на огромную гору грузов у подножия откоса и думали о том, что ждет их впереди, длинной полярной зимой. И мы

не решались попросить у них медвежонка, хотя готовы были заплатить чем угодно, даже питьевым спиртом.

Поздним вечером прибежал со станции щенок, совсем маленький, толстый и неуклюжий. Он показался на гребне обрыва, высоко над нами, страшно уставший от бесконечно долгого пути через тундру. Он подпрыгивал и повизгивал, просясь вниз. Сам он боялся спускаться. И мы, и полярники, и собаки, и мишки смотрели на щенка с уважением. Он пустился в путь через весь остров по следам других и шел двенадцать миль совсем один и все-таки дошел, но теперь боялся спускаться по крутому обрыву, хотя мы звали и подбадривали его снизу. Верка тоже смотрела на своего сынишку, но, по-моему, не волновалась за него. Следовало кому-нибудь влезть на обрыв и снести щенка вниз, но все мы уже здорово устали и медлили. И вместо нас полез медвежонок. Он растопыривал лапы, упирался ими в рыхлый снег, по-всякому извивался и влез на откос очень быстро. Щенок ждал его наверху. Они, наверное, о чем-то поговорили. Потом медвежонок опрокинулся на спину, поерзал немного, подталкивая себя к обрыву, и съехал к нам, весь в облаках снежной пыли, головой вперед.

Он показывал пример.

Но щенок не понял, он все повизгивал и подскакивал на одном месте. И тогда полез другой медвежонок, он лез очень сурово и решительно, он твердо знал, что надо будет сделать со щенком, и поэтому не торопился.

Воткнулись в угольную кучу наши лопаты, пошевеливался на слабой волне понтон у припая, медленно проплывали мимо льдины, похожие на замерзших огромных птиц, быстро менялись в небе очертания облаков, огромная северная тишина сомкнулась вокруг нас, и только повизгивал наверху щенок.

Мишка вылез к нему и сходу дал под зад лапой. Щенок покатился вниз визжащим комком. Он катился долго-долго, потом вскочил на ноги, перестал визжать, отряхнулся и, радостный, подбежал к нам. Все оказалось не так страшно. Надо было только получить толчок вначале. И все мы повеселели и опять принялись за работу.

А щенок, конечно, был очень голодный. Он нюхал снег в тех местах, где мы выливали еду, но весь съедобный снег уже вылизали другие.

Ночью мы работали при свете фар трактора. Пошел снег, он казался черным. Похолодало. Волны плюхали во льдах угрюмо. И угрюмая, застывающая Арктика давила души. Костры горели красными огнями, собаки грелись возле них, не мигая, привычно глядели на огонь и бездельничали. Мишки улеглись на льду у полыньи и сосали лапы, они очень смешно пыхтели при этом, в ритм, как маленькие дизеля, и меняли лапы тоже одновременно, строго взглядывая друг на друга. А Верка закопалась в кучу угля; он был теплый внутренним, мягким теплом. Мы брали его в Архангельске чуть влажным, и за время пути он разогрелся в трюмах. Никто не заметил, что Верка забралась в него. Вездеход с санями въехал на полном газу по склону угольной кучи, Верка не успела отскочить. Во тьме ночи раздался визг, похожий на человеческий. Мы сбежались к ней, и никто не знал, что надо делать. Верка ползла куда-то, волоча задние лапы. Потом она забилась в снег и притихла, дрожа всем телом, судорожно зажмурив глаза. Другие псы не обратили на все это внимания. Только Рыжий несколько минут постоял возле Верки, слабо и неуверенно повиливая хвостом.

Мы решили, что она отлежится, потому что собаки — живучие существа. Нам было спокойнее так думать: нам было жаль Верку, мы все-таки чувствовали себя чем-то виноватыми и перед ней и перед всеми зимовщиками. Мы привезли с судна всякие вкусные вещи: котлету, белый хлеб с маслом и даже сгущенного молока. И положили все это у самого Веркиного носа. Но она не могла есть и даже не понюхала молока. Мы боялись, что другие псы или медведи стащат ее рацион, и следили за ними. Но они подходили, нюхали, вздрагивали от желания стащить и уходили в сторонку, чтобы больше не возвращаться. Быть может, они вели себя так потому, что Верка была сукой, а может, понимали, что ей плохо и что нельзя ее обижать.

К утру похолодало еще больше, снег полетел гуще, ветер все заходил к норду, сплошные поля пакового льда стали приближаться к острову. Наше судно снялось с якоря и лавировало между ними, стараясь удерживаться на месте. Мы видели белый, красный и зеленый ходовые огни. Они медленно двигались в полумраке, и всем нам было ясно, что выгрузку закончить не удастся и что скоро придется уходить отсюда совсем.

В полдень с судна поднялась ракета: нам приказывали срочно возвращаться на борт.

Мы попрощались с зимовщиками и собаками. Как часто при расставаниях, взаимные обиды показались мелкими, нестоящими и хотелось сказать: «Вы же видите: мы не виноваты, льды, тяжелые прогнозы... И у нас нет времени помочь вам больше... И впереди нас ожидают еще три полярные станции, и ребятам на них не лучше вашего...» Но как-то неудобно говорить такие слова. Всегда почему-то легче выругать друг друга, когда за ругательными, тяжелыми и грубыми словами стоит твое доброе отношение, и твоя тревога, и твое сожаление. И, кроме таких слов, мы только сказали, что Верку можем взять на судно, у нас есть фельдшер, он ее как-нибудь подправит. Зимовщики отказались.

Мы перешли на катер.

Берега острова удалялись медленно.

Собаки и мишки бежали за нами, перепрыгивая со льдины на льдину. Мы гнали их назад, мы боялись, что их унесет в море.

Под береговым откосом у горы грузов стояли зимовщики, очень одинокие и молчаливые, курили. Верка заметила, что мы уходим, она подползла к самому урезу воды, приподнялась на передних лапах и смотрела нам вслед. И кто-то из зимовщиков взял ее на руки, чтобы она дольше видела нас. И щенка они тоже взяли на руки.

Тут опять прилетел ледовый разведчик, потому что в штабе проводки беспокоились за нас. Он заложил низкий вираж над островом. И свора помчалась за его стремительной тенью, лая яростно и в тоже время просто любопытно и весело. Свора сразу забыла нас.

Островок уходил все дальше, и казалось, что холодное, застывающее море втягивает его в себя. Нам было тревожно за остающихся, мы желали им всем удачи и здоровья.

ВЕСЕННЕЕ БЕСПОКОЙСТВО

Л. ТАИРОВ

Фото Я. РЮМКИНА.

В горах зашумели студеные речки, раздались первые трели пастушьих рожков: овечьи отары начали подниматься на летние пастбища-эйлаги. У подножия Большого Кавказского хребта, в плодовой житнице Кубе, зацвели яблоневые сады. На просторах Ширвана и Карабаха выбросил лозы виноград, созревает черешня: вся земля в цветении.

Весна! Она явилась в Азербайджан спокойно, даже не пришлось ей поспорить с зимой. Собственно говоря, зимы и не было. Где-то стороной злилась непогода, а здесь детвора мечтала о снеге.

Весна-то пришла спокойно, зато люди беспокоятся. Дел у них много. И дела большие и трудные.

На хлопковые поля словно набросили зеленую сетку. Десятки тысяч гектаров расчерчены на квадраты. Двадцать пять центнеров белого золота с гектара — такую задачу поставили перед собой хлопкоробы. А в совхозе имени Ленина девять друзей из бригады знатного механизатора Сардара Имралиева дали слово на 110-гектарном участке вырастить и убрать с каждого гектара по 35 центнеров высококачественного дешевого хлопка. Их примеру следуют многие.

Большим авторитетом в республике пользуется ветеран колхозного производства Кудрат Самедов, а он недоволен собой.

— В коммунизм не войдешь одним селом, одним двором,— рассуждает убеленный сединой Кудрат, председатель одной из лучших артелей — колхоза имени Низами.

И он обратился с призывом к передовым хозяйствам помочь отстающим.

Время меняет взгляды, время требует от людей хорошего, делового беспокойства. Старые чабаны и те усомнились в универсальности извечного отгонного пастбища. Поднимаясь в горы, они дают наказ остающимся в долинах подготовить к зиме добрый корм в овчарнях. Он будет: повсюду дружно взошла «королева полей». Вкусного кукурузного силоса заготовят в три раза больше, чем в прошлом году.

Чудесен май у самого синего моря. Древний Каспий расцвел радужными бликами. Тихо, спокойно. А там, у горизонта, где застыли переплеты вышек, идет героическое сражение за нефть. Ее, черно-бурую, драгоценную, ищут день и ночь.

Разведчики недр все глубже проникают в пучину моря, а навстречу им с того, туркменского берега идут друзья. Ведь Апшеронский порог — гигантская перемычка — поистине неисчерпаемая кладовая горючего.

Все больше на карте республики появляется чудо-новостроек: Сумгаит, Мингечаур, высокогорный, заоблачный рудник Дашкесан, глиноземно-алюминиевый комбинат на подступах к Кировабаду... В Степанакерте, Сальянах, Нахичевани свили гнезда перебазировавшиеся сюда недавно из столицы республики промышленные предприятия. Однако старый Баку не собирается сдавать индустриальных позиций. Он тоже уверенно набирает силы для мощного взлета. Воздвигаются новые предприятия, преображаются старые, в голубое небо впились стрелы башенных кранов. Новостройками спускаясь с горы, Баку гигантским амфитеатром окружил море. Новые микрорайоны так хороши, в них столько простора и света! Только в нынешнем году бакинцы получат свыше 10 тысяч квартир.

Но в городе так принято: куда ни поедешь, куда ни пойдешь, а на бульвар заглянешь непременно. Для бакинцев он — что для москвичей улица Горького, для ленинградцев — Невский проспект, для парижан — Елисейские поля. Но бакинцы считают, что их бульвар лучше.

А море! Оно утопает в розовой дымке, вечером оно, синее до черноты, купается в лунном серебре. Тепло так, что открытый летний театр у кромки набережной действует почти круглый год.

Посмотрите на центральный разворот вкладки, на веселую карусель... Аттракционы, эстрада, театры, рестораны, кафе, спортивные городки, детские площадки, оркестры... Отдыхающих — черешне негде упасть!

Дружба что-то не ладится...

Шаиря Мамедова — сборщица чая из колхоза имени Азизбекова.

Два председателя — Алыдж Алиев и Сабзя Зейналова. Он — из колхоза имени XXII партсъезда, она — из колхоза «1 Мая». Живут по соседству. Часто спорят, советуются, помогают друг другу.

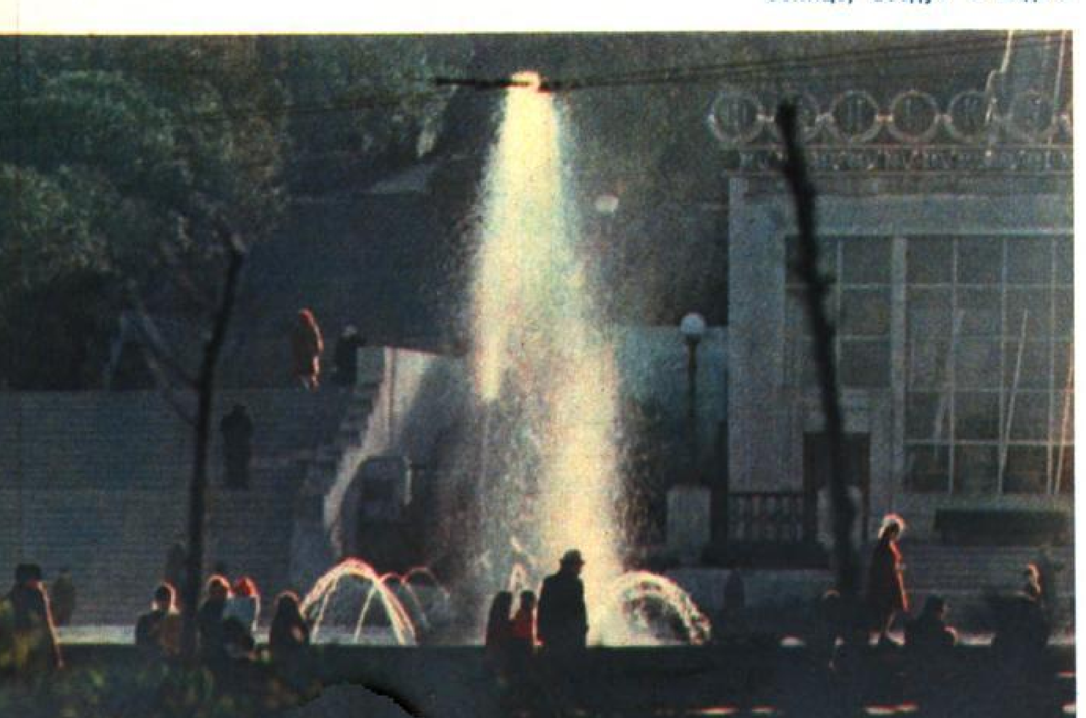

Чаепитие в поле. Колхоз «1 Мая».

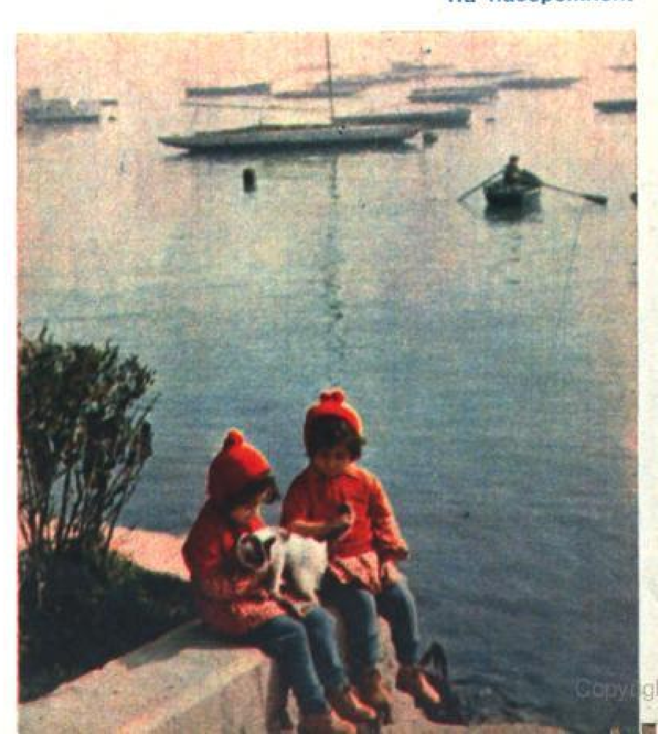

Почти как космонавты...

Солнце, воздух и вода...

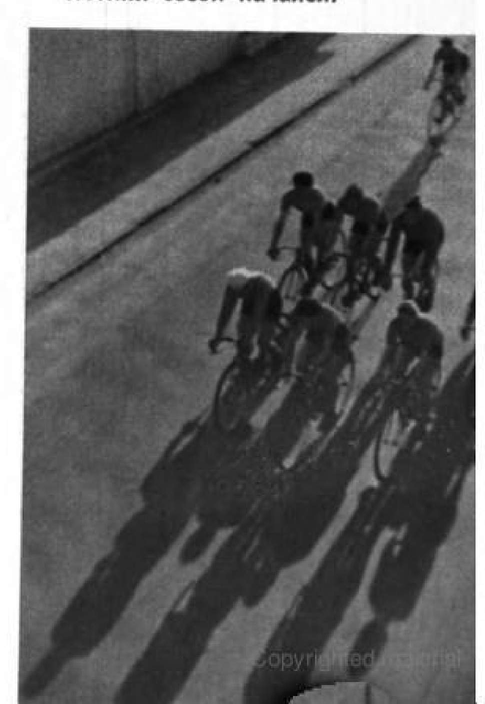
На набережной.

Плыви, моя лодка, плыви.

Летний сезон начался.

Красуха

Анатолий **ПОПЕРЕЧНЫЙ**

Когда кипрей капорский зацветет,
И путь пчелы благословят поэты,
Воспевшие вчера полет ракеты
И новый предрекающие лет,
Пройдет тропою водопоя лось,
Пройдет,
И славу солнцу протрубит,
И вздрогнет вдруг,
Не зная, что убит,
И от дымка качнется песня вкось;
Когда,
когда
Из раннего гнезда
Мне на плечо грачонок упадет,
Вздохнет телок,
Язь солнце заглотнет,—
В тот самый час,
А может, в тот же миг,
Поверив вдруг навеки,
Как чиста,
Увижу я ее неясный лик,
Услышу я ее негромкий вскрик —
На белый свет
Родится Красота.

И я ее увижу над собой
Не на холстах —
А просто ночь ни зги,
А только птица —
Шасть над головой,
А только всплеск —
И по воде круги.

Но прежде —
Пополам мое весло,
Но прежде —
В Красоте я вижу зло,
Но прежде —
Соловьи мои молчат,
И первый мед
Не мед,
А дикий яд.

Но прежде так:
В листве ее волос
Не соловьем запутаться пришлось,
А освистать ее,
А охулить,
Возненавидеть,
Чтоб потом любить.
И каяться, как грешник,
И страдать,
Просить отмщенья
И не получать.

А только слышать
Крик ее грудной,
Как одинокий зов
Ночной куги.

А только счастье —
Шасть над головой,
А только всплеск —
И по воде круги.

Она из става выйдет,
И луна,
По капельке стекая на песок,
Грудь округлит ее,
Удивлена,
Почуяв под корою вешний сок.
Она из става выйдет...
Вся, как есть,
Как вызов нам,
В кустах сидящим здесь.
И платье,
Что припрятал я в кусты,
Мне руки обожжет.
И синий взгляд
И ситцевые синие цветы
На синем платье
Мне в лицо чадят...

Ах, ситцевые синие цветы!
Над ними пчелы дикие летят.

Красуха!
Красной девкою села
Она для нас тогда была такой,
Исчадием мальчишеского зла,
Была Красухой,
А не Красотой.

Как воронье,
Смешки падут в кусты.
И,
Видя в том достоинство свое,
Противники проклятой наготы,
Комками грязи кинем мы в нее.

Шальная лопухастая братва,
Зорюющая по ночам в гаю,
В песке валяла круглые слова,
В нее кидала...
И не утаю,
Больней других
Ее ударил я.

И вдруг!
Рука застыла на лету,
Как будто вместо слова —
Соловья
Я бросил не в нее,
А в Красоту.

Нет,
Я не камень бросил —
Соловья,
Когда впервые вылепил:
Люблю!
Так про себя тогда подумал я.
А вслух вскричал:
— Ужо я залеплю!

Что ж, совесть!..
Изводи не изводи.
Но,
Соловьем-разбойником свистя,
Ей не давая выйти из воды,
Я бросил это,
Ей за что-то мстя.

Ну, а за что?
Ответьте, мудрецы,
Вы,
Знающие «что» и «почему»,
Вы, рогоносцы,
Или вы, скопцы,
Упрятавшие птицу в терему!
За что я мстил
Отчаянно и зло
И что Красухе ставил я в вину?
Ведь сам я был,
Как голое весло,
На зорьке окунутое в волну.

Ведь сам нырял я
Нагишом до дна,
И, омуты речные обогнув,
Уже я чуял,
Как она страшна,
Уже я понял,
Что ее спугнул;
Что поплачусь
Не то чтоб головой,
А вот сейчас,
Как будто бы на суд,
Спустя пятнадцать лет,
Придя на пруд,
Пойму,
Что винен перед Красотой,
Как пчелы перед сотами весной...
Меня ее прощенья не спасут.

Меня ее презренье не спасет.
А что спасет?
Быть может, жалость?
Нет!..
Я вижу,
Лось из той травы встает,
В которую упал его рассвет.
Грачонок возвращается в гнездо,
И солнечной икрою брызжет язь...
Я вижу в Красоте Добро,
Не Зло.
И мед мне мед,
А не смертельный яд.

Я в степь иду.
Я травами травлюсь.
И если плачу —
В том вина ничья —
Я над своею слепотой смеюсь,
А если я смеюсь,
То плачу я.

Прощенный Красотой,
Я не прощен.
Она еще мне трижды отомстит.
И Слово
(Я к нему приговорен)
Теперь в меня,
Как яблоко, летит.
И смех,
И свист,
И взгляд ее косой,
И одинокий зов ночной куги.
И только птица —
Шасть над головой,
И только всплеск —
И по воде круги.

Без слов.

Михайло Стельмах.

ПРАВДА И НАРОД

Украинский писатель Михайло Стельмах умеет найти проникновенные слова о самом главном — о народе, о времени, о революции. В его романах всегда чувствуется поэт. Сейчас мало кто помнит, что до выхода первой книги новелл молодой Стельмах почти десять лет писал стихи. Кстати, тот сборник новелл вышел в 1944 году под редакцией Юрия Яновского. Это было не случайно. Традиции Тараса Шевченко и Леси Украинки, Александра Довженко и Юрия Яновского сказались не только в романтическом видении мира, в художественных средствах стельмаховской прозы. Они сказались прежде всего в отношении писателя к жизни, к искусству, к своему творчеству.

Вот почему народ и правда — главное для Михаила Стельмаха. Народу и правде посвятил он свой яркий и буйно расцветший талант. Недавно в статье о Шевченко романист писал, что мы живем не только в век расщепленного атома, но и в век нерасщепляемой великой, поистине прометеевской любви к человеку. «Этой безграничной любовью и великой правдой мы живем, на этом стоим...»

Для Стельмаха народ и правда немыслимы раздельно. «Пусть она была подчас и горькой, и нелегкой, и полуголодной, но это правда,— заявляет Марко Бессмертный из романа Стельмаха «Правда и кривда».— Ее кое-кто и в литературе хотел бы видеть только подрумяненную, в бумажных цветах, кое-кто хотел бы подсюсюкнуть о молочных реках с кисельными берегами и не заметить, что еще не в каждом жилище есть хлеб на столе. Это ведь только теперь повсюду наводится порядок, богаче становятся сердца и щедрее родит земля».

Писатель понимает, что правду времени можно постичь только на широких путях народной жизни, на крутых поворотах истории, когда решаются судьбы Родины. Все четыре романа Стельмаха изображают напряженные годы крутых переломов: «Хлеб и соль» — о революции 1905 года; «Кровь людская — не водица» — о гражданской войне; «Большая родня», «Правда и кривда» охватывают годы коллективизации, военную и послевоенную жизнь украинского села. Народ для Стельмаха не воплощение извечных, неизменных качеств; писатель видит народ в движении. Романист знает, на что способен свободный труженик земли; еще в двадцатых годах Стельмах воочию увидел в родном селе Дяковцах силу революционных крестьян. А позже, когда там организовали колхоз, Стельмах возглавил бригаду молодых батраков, утверждая новый строй.

Сейчас Михаилу Афанасьевичу Стельмаху пятьдесят лет. Лауреат Ленинской премии, депутат Верховного Совета СССР, заместитель председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, он борется за коммунизм и мир как писатель, публицист, общественный деятель.

В. ВОРОНОВ

Ночное дежурство. Палатная сестра Женя Андриенко.

Надежда СВЕТЛОВА

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Редакторы очень уважают сотрудников, которые в поисках достоверности меняют перо на штурвал комбайна, становятся за прилавок, поступают в забойщики или нанимаются матросами. Сотрудники вживаются в материал, и писать о какой-нибудь профессии им становится легко и просто.

Но еще ни один редактор не решался поручить своему сотруднику заболеть, чтобы проникнуть в сущность работы медперсонала.

Мне страшно повезло. Я ехала в Севастополь писать о работе медицинских сестер, и первое мое соприкосновение с медициной произошло сразу же по приезде. Хвастать нечем — это был обыкновенный аппендицит, тем не менее я очень кстати попала в больные, а это удается не каждому.

«Скорая помощь» приехала в гостиницу так скоро, что уважение к ней решило все сомнения относительно того, оперироваться или не оперироваться. И доктор сказал — оперироваться.

Хирург Энкель даже виду не подал, что возиться со мной ему неинтересно. Он мастер серьезных операций. Он умеет чинить сердца, приводить в порядок поврежденные черепа и восстанавливать тончайшие функции при переломах, даже если сломана рука скрипача. Это меня очень смущало. Но я приехала писать о медсестрах и не забывала об этом даже на операционном столе. Все-таки больного лечат сестры. Я это почувствовала с самого начала, когда еще медсестра «Скорой помощи» Александра Панкратова усаживала меня в карету. Конечно, человеку, даже больному, свойственно надеяться на благополучный исход, но несколько полушутливых слов и напутствие медицинской сестры представляют собой и подготовку к операции и дают категорическую уверенность в удачном исходе. С первой минуты судьба больного попадает в нежные руки медсестер. Конечно, возглавлять борьбу с болезнью будут врачи. Они призовут на помощь лекарства, инструменты, знания, а лечить все-таки будет сестра. И лечить не только порошками и уколами, она будет лечить уходом, отношением и заботой.

И дело не только в точном исполнении назначений врача. Дело в незаметной, я бы сказала, домашней непринужденности, с которой медицинская сестра относится к незнакомому человеку. Я не могу сказать «чужому человеку», поскольку, переступив порог севастопольской больницы, человек становится своим.

Я очутилась в городе, хранящем великие традиции медицины. Именно здесь появились первые профессиональные медсестры. Во всяком случае, первые полевые сестры. И появились они по велению сердца, за что и были названы сестрами милосердия.

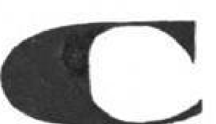
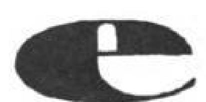
«Самые простые и необразованные сестры,— писал во время крымской войны Пирогов,— выделяют себя более всех своим самоотвержением и долготерпением в исполнении своих обязанностей. Они удивительно умеют простыми и трогательными словами у одра страдальцев успокаивать их мучительные томления. Иные помогают раненым на бастионах под самым огнем неприятельских пушек. Многие из них пали жертвами от прилипчивых госпитальных болезней».

Знаменитая Даша Севастопольская — первая полевая медицинская сестра — начала с того, что распродала свой скудный скарб, чтобы купить телегу, на которой она развозила воду для солдат Севастополя. Забыта ее настоящая фамилия, история не сохранила даже ее отчества. Но домашнее сестринское имя осталось в памяти народа. Это, конечно, призвание, черта характера, может быть, и талант — чувствовать и понимать страдания человека...

Конечно, в наши дни уже не может быть и речи о «самых простых и необразованных сестрах», о которых писал Пирогов. Их уже просто нет в нашей медицине. Высокая лечебная техника, точные приборы, сложнейшие лекарства требуют от современной медсестры немалых знаний. Но все эти знания, сведения и навыки были бы почти бесполезны, если бы они не опирались на простую человечность медицинской сестры, «сестрички», «сестры милосердной»...

У людей разные характеры, у больных людей они тем более разные, даже несмотря на одну и ту же болезнь. А вот сестры должны иметь характеры одинаковые, по крайней мере в отношении к больным. Одна из моих соседок по палате оказалась капризной, даже в состоянии больного человека она явно «перебирала». Ее капризов хватило бы на целую палату, и надо было видеть, как медсестра Тая, так сказать, регулировала ее не очень приятный характер. Она вела какую-то занятную разъяснительную работу. Ее профессиональная терпеливость будто передавалась больной. Вообще Тая была великим миротворцем. Восемь суток я пролежала в этом отделении, и восемь раз утро начиналось с улыбки Таи Цукановой. Я не знаю, должна ли она в свое дежурство обходить все палаты. Но она их обходит, она приветствует «старичков» и знакомится с новенькими, радуется выздоровлению искренне, щедро и огорчается, если больным плохо.

Лев Ильич Энкель, тот самый, который умело скрыл свое разочарование моим пустяковым случаем, не стал скрывать своего удовольствия, когда узнал, что приехала я, собственно, не для того, чтобы оперироваться, а для того, чтобы писать о медсестрах. Он сказал: «Без сестер вся наша врачебная деятельность ни к чему, да и просто она невозможна. Назначить лекарство — ведь это только начало лечения. Их дело дать вовремя лекарство, сделать укол, помочь в первые же минуты, если состояние ухудшится. А чтобы у больного было хорошее настроение,— это тоже дело сестринское.

Патронажная сестра Лариса Спирина дома у Е. И. Смирновой.

Зина Момотова. Срочный вызов.

Вот у нас в операционной работает Галя Малышева, молоденькая, вредная такая. Но немного, конечно, вредная, в общем, вредная, как надо. Командует врачами. Очень хорошая операционная сестра. У нас уже много лет при операциях на костях не бывает осложнений, никаких нагноений. А вы, конечно, понимаете, что это зависит целиком от операционной сестры, от ее требовательности, аккуратности, от ее медицинской и просто человеческой культуры. Совсем юной пришла к нам Лида Клищенко. Работает уже седьмой год. Она гипсовый техник. Знаете, что такое неправильно, даже просто неточно наложенный гипс? Неплотная фиксация — не так срастаются кости, появляются боли. Менять гипс — снова боли, затягивается лечение. Лида накладывает гипс превосходно. Третья их подруга, Нина Мурчикова, поступила в больницу санитаркой, затем училась, окончила медицинское училище и теперь в этой же перевязочной работает сестрой. Сегодня делали операцию мальчику. Ревет парень. И как она его успокоила, просто удивительно!»

Так мне стало ясно, почему каждый врач хотел рассказать непременно о сестрах своего отделения. Какое-то естественное уважение прорвалось наружу и потребовало огласки. Заведующая урологическим отделением Татьяна Ильинична Нелькина непременно требовала, чтобы я познакомилась с Ольгой Тимофеевной Сергеевой.

— Сказать, что Ольга Тимофеевна — хорошая сестра, это мало,— говорила доктор Нелькина.— Она как будто создана для того, чтобы ухаживать за больными, чтобы помогать им. На днях оперировали женщину. Во время вылущивания почки у больной наступил шок, клиническая смерть. С одиннадцати утра до восьми вечера боролись за ее жизнь. Ну, конечно, главный хирург, главный терапевт, врачи — все были около нее. Но ведь сестры — смена кончилась — могут уйти. И никто не ушел. Все остались. А когда больная очнулась, каждая хотела помочь ей.

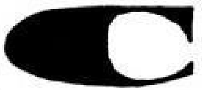
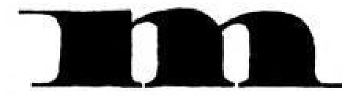
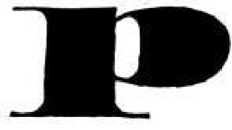
Больные про Ольгу Тимофеевну рассказывают чудеса. Во время самых, казалось бы, болезненных перевязок она умеет не причинять боли, и у нее своя техника повязок, свои приемы. Больным удобно, ловко после ее обработок.

— Руки ее к постели прикоснутся, и постель мягче становится, подушку поправит и то с душой,— говорили мне в одной из палат.

Это очень большой талант — уметь радоваться, искренне радоваться каждый раз каждому первому шагу выздоравливающего человека. И сестры обладают им.

Их имена, может быть, совершенно незаметны на фоне блестящих имен знаменитых хирургов, проницательных терапевтов, тонких специалистов и разгадывателей тайн болезни. Но никакой специалист не сравнится с ними в умении ослабить боль, влить бодрость и вселить надежду. Они стоят бессменными часовыми на всем пути болезни, и мы читаем на их добрых лицах уверенность, которая так нам необходима.

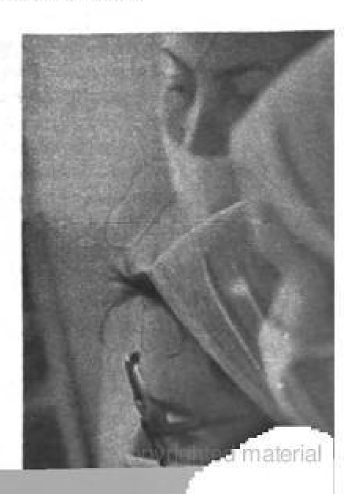
Триста медицинских сестер работают только в 1-й городской больнице Севастополя.

Фельдшер Нина Подголодинская, оказав первую помощь, сопровождает пострадавшего до больницы.

Оперирует доктор Л. И. Энкель.

Что-то около месяца о нем не было ни слуху ни духу, уж и Дровосекин почти вслух ругался и плевался больше обычного. Потом пришла открытка. Федотов писал, что живет в общежитии, начал работать по восстановительному ремонту судов и пока что жить там с семьей негде. Наверное, все так и было, но уж очень что-то все слова были похожи на те, что писал Соне муж в начале войны. Открытку читать не грех, и всем соседкам показалось, что тут что-то не так. Не понравилось очень.

Наконец пришло толстое закрытое письмо, заказное. Его вручил почтальон Дровосекину. Тот расписался в книжке и целый день таскал его за пазухой, плевался и хмурился, и похоже было, что он кого-то очень даже «не хвалит».

Когда Соня вернулась с работы, он, с сожалением расставаясь с письмом, подал ей помятый теплый конверт и внимательно стал смотреть, как она его распечатывает. Непослушные пальцы бестолково отрывали маленькие кусочки с краешка конверта, потом надорвали вместе с вложенной бумагой. Дровосекин рассвирепел, отнял у нее письмо, принес ножницы и срезал самый краешек конверта, поглядев сперва на свет, чтоб не попортить вложенный листок.

Нехотя вышел из комнаты, запинаясь и оглядываясь, точно его выталкивали за дверь силой, а он сопротивлялся, и сейчас же начал, как часовой, ходить за дверью, чтоб какнибудь не упустить Соню.

Прибежали младшие ребятишки. Он их сурово отогнал, зашипел, погрозил пальцем, объявив, что мама занята делом.

Потом приотворил дверь и увидел, что Соня сидит над листком из школьной тетрадки, где написано всего несколько слов. И, кажется, больше писать не собирается или не знает, что писать.

Он вошел, сел за стол против нее и строго сказал:

— Ну что ж ты молчишь? Ты говори!

— Ничего, все хорошо, его там ценят...

— Ну-ну, говори, дело говори!..

— Все... Комнату ему хорошую дают.

— Ну-ну... Дают, ну! Не тяни, говори.

— Что «ну»?.. Приезжайте, пишет. Зовет нас.

— Ну, зовет, а ты плечами-то так зачем? — вскинулся Дровосекин. Его даже задергало всего от злости.— Ты чего это плечами-то, а? Ты говори, как ответ даешь? Что теперь будет?

На клетчатом листке было написано всего-навсего: «Спасибо, что ты нас жалеешь, беспокоишься. Только не понимаю, зачем мы тебе понадобились?..» Теперь, досказывая недописанное, она сказала:

— Ничего не будет. Как жили — так жить будем. Незачем нам туда ехать.

— Незачем?! Незачем?! — в упоении захлестывающего с головой негодования тончайшим голосом протяжно закричал Дровосекин.— Ах, молодец, ах, удумала! Вот хвалю! Правильно, зачем тебе к нему ехать! Тебе африканского прынца надо! Директора универмага! Куда тебе торопиться к солдату!..

Он багровел, надсаживаясь от сдавленного, слабого крика, и Соня смотрела на него со спокойным удивлением, почти сочувствием. Сказать ему сейчас просто: «Не ваше дело»,— язык не поворачивался.

— Да не расстраивайтесь вы так!.. Вам трудно обо всем судить. Не все вы знаете про наши дела и...

— Больше твоего знаю! — с плаксивой злобой, сдавленно кричал Дровосекин.— Больше твоего вижу!

— Вы ведь и вправду так задохнетесь или удар себе наживете! Ну все, все знаете... Все понимаете.— Она улыбнулась скучной улыбкой и мягко добавила: — Ну хоть про любовь для себя я могу понимать больше вашего?

— Это ты-то! Ты-и? Больше моего?.. Ничего ты не можешь в этом понимать!

Но она, не повышая голоса, перебила его, заставила слушать.

— Он от доброты написал «приезжайте». А подумайте, за что же мы его будем так наказывать. Для чего ему взваливать на себя такую обузу? Пусть поживет, найдет себе какую-нибудь девушку без такого хвоста, как у меня. После сам радоваться будет, что не связался.

— А-а,— затихая, угрюмо протянул старик.— Вот то-то и оно-то: хвоста!.. Сама теперь уразумела. И мужа-то законного хвостом этим от себя отмахнула. Вот то-то!

— Муж тут при чем?

— При том, что ты верно сказала: с хвостом-то оно того, конечно... А что ж теперь делать?

— Да вы про какой хвост?

— Сама соображаешь: хвост. Вот про этот хвост и речь. Про какой ты хвост?

— Я про детей сказала.

— Именно про детей?.. А не про что?..

Они оба замолчали, уставились друг на друга, сбившись с толку, потом старик, прячa глаза, забормотал, пытаясь опять разъяриться, но у него никак не получалось.

— Про любовь она мне будет... Твой-то, гладкий, приехал, понюхал, чем пахнет, да и от ворот поворот, плюнул да и уехал. А этот какой-никакой, а вот прощает тебя, значит, принимает всю твою команду рыжую на свои руки, а ей этого мало, ей прынца!.. А кто он тебе, скажи по совести? Прохожий!.. Тьфу! Любовь еще! Поменьше бы ты ее пробовала, этой любви.

Стараясь поймать его взгляд, женщина затихающим голосом, еле слышно допытывалась:

— А какой все-таки хвост? Какой? Какой?

— Не мой хвост, твой хвост, тебе лучше знать,— смущенно бегая глазами, суетливо бормотал Дровосекин.— Это вам, бабам, лучше знать, какие у вас хвосты бывают...— Он похлопал губами, без слов и с робкой надеждой и страхом спросил: — А что ж люди зря говорили? Зря, скажешь? А?

— Про что говорили люди?

— Что ты ко мне пристала? Иди людей и спрашивай!.. Про что, про что!.. Про солдат, вот про что!

— Это каких же?

— Ты не придуривайся перед старым человеком: ну, ночевали у тебя солдаты там, на переправе-то? Все говорят. И по кинам ходила с солдатами, и подарки тебе носили, что ты прикидываешься! Только из себя выводишь! Не путайте вы меня в свои дела, ну вас вовсе. Кто правду говорит, тот всем плох. Характер у меня мухоморный, и сам я старый мухомор... Пожалуйста, ладно...

— Вот как! Кто же это вас так? — бережно, чтоб не спугнуть, тихонько спрашивала женщина.

— Вот этот твой меня так аттестовал за то, что я ему правду говорил!

— Это, наверное, когда он только приехал? С чемоданом? Вы с ним на скамеечке долго так беседовали? Он вас так обидно назвал?

— Хоть с чемоданом, хоть без чемодана, отвяжитесь вы все от меня,— с несчастным видом бормотал старик.— Я-то тут при чем? Шила-то в этом не утаишь... значит, шила-то! Не томи ты мою душу, говори уж: неужто так уж ничего и не было? Да теперь-то что? Ведь он уж тебя вроде простил, чего ж тебе еще?

— Простил! За что простил?.. Разве за самого себя только! Что я с ним в кино ходила, что он у меня на перевозе был! А что вы только ему наплели по доброте душевной! Солдат! Что он-то вытерпел из-за ваших этих... О господи!..— Она упала руками и головой на стол.

Дровосекин стоял над ней и, поталкивая в плечо, уговаривал:

— Ну что ж теперь реветь-то схватилась? Теперь это ни к чему... Бумажку измочишь!.. Сами всех вы тут запутали — и реветь... Ну что ж теперь делать-то?.. Главное, за ребятишков-то я доволен. Солдат-то твой, он ничего, а?.. Ты это мокрое дело брось, ты садись пиши ему обратный ответ поскорей. Больше бы слушала, что тебе старый человек советует...

Сколько раз потом, когда уже они были опять вместе, был пересказан этот нелепый разговор со стариком, каждый раз с новыми, припоминавшимися со временем подробностями. Сколько раз — в слезах и позже даже со смехом — вспоминали подробности этих последних дней, в которые они оба были несчастны и не вместе.

И в тот час, когда на большой городской пристани среди пассажиров, столпившихся на палубе, он увидел тянущиеся, чтоб ему помахать, тонкие руки всех трех ребят и Сони, а пароход медленно подваливал боком, и колеса пенили и бурлили воду, давая задний ход, и потом медленно подтягивался всем бортом к дебаркадеру, и их, наконец, отделяли несколько метров воды, потом узкая полоска и, наконец, ничего: они стали раз навсегда вместе, не отделенные ничем, на одной земле, по которой пролегала общая дорога их жизни до конца... И вот теперь, видно, и конец пришел.

РОДНАЯ КР

Ф. КНОРРЕ

Повесть

Поздно вечером к дому подъехало такси. Ребята вернулись из города немного обалделые, смертельно усталые, оживленные и смущенные.

Они рассказали, что ели, как подавали, какой номер у их отца в гостинице — с ванной,— и обед им подали прямо в комнату, и кто сколько съел пирожных. На Соне была кофточка, очень красивая и из такого материала, какого тут еще не видывали. Младший, Гонзик, сиял больше всех: они с отцом точно договорились, какой именно велосипед тот ему подарит,— со всякими тормозами,

Окончание. См. «Огонек» №№ 18, 19.

переключением скоростей и даже бутылочкой, из которой можно пить на ходу...

Обед — жареную картошку и каждому по большой котлетине Сониного приготовления,— разогретый Федотовым на всякий случай к их приезду, есть никто не стал.

На другой день, как было условлено, отец опять приехал, чтоб поговорить отдельно с Федотовым. Они уселись за стол друг против друга, как на заседании или на приеме. Заседание сразу повел отец, и Федотов чувствовал себя гостем в своем доме.

— Вот я и познакомился заново со своими собственными детьми!.. Мы нашли общий язык!.. Теперь я хочу задать вам честный и прямой вопрос: намерены ли вы препятствовать детям оставить... этот поселок и переехать жить ко мне?

Федотов сжал руки так, что суставы побелели, и на минуту прикрыл глаза. Похоже было, что там все уже договорено. Быстро.

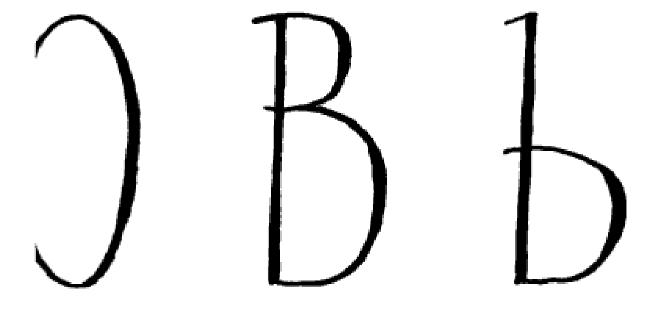
— То есть как это препятствовать? Не пускать, что ли?

— Нет,— быстро остановил его движением руки отец.— Не пустить вы, собственно, их и не можете. Юридически. И практически тоже. Я не имею в виду прямые препятствия, запреты и так далее. Но дети в какой-то мере привыкли к вам. Уважают ваш авторитет, как все дети. Я хочу знать, намерены ли вы воспользоваться своим влиянием, их привычкой, некоторой моральной властью, что ли, чтобы попытаться мне противодействовать? Видите, я говорю честно, не прячу своих карт. Скажите откровенно, вам лично было бы желательно, чтоб дети оставили вас и переехали ко мне? Навсегда? Что ж вы молчите, я жду ответа такого же прямого, как вопрос.

— Для меня это дикий вопрос, а не прямой...

— Значит, вы этого не хотите?

— Даже в голову мне не приходило, что

Рисунки П. **КАРАЧЕНЦОВА.**

кто-нибудь будет тут сидеть и мне такие вопросы задавать.

— Понятно. Вы вдобавок испытываете неприязненное чувство ко мне. Это естественно. Правда?

— Бросьте вы про чувства.

— Намерены ли вы мне противодействовать? Давайте выясним все мирно.

— Понял. Нет, уговаривать их я не стану. Захотят ехать — пусть едут, их право. И, к примеру, плохое про вас им говорить я тоже не буду.

— Разумно. Хотя, я вижу, вы к ним по-своему привязаны, не правда ли?

— По-своему. Да.

— Значит, вас заботит, будет ли им хорошо у меня? Вы даже не знаете, что я собой представляю. Я, между прочим, юрист. Честный советский юрист, с хорошим положением. Все, чего я добился, я добился своим трудом. Я добился бо́льшего, чем многие, это правда. Моя формула, которой я руководствуюсь в жизни: «Стараться иметь все лучшее из возможного». Из допустимого, не нарушая при этом никаких этических, а тем более правовых, то есть законных, норм, само собой разумеется. И детям я хочу дать лучшее из возможного в наших условиях, вовсе не делая их при этом папенькиными сынками, оранжерейными растениями. Если отбросить ханжество, этого хочет каждый.

Эрик работает и учится, имея в перспективе стать судовым механиком. Неплохо. Но у меня он сможет просто учиться и сэкономит этим годы жизни. У меня он гораздо скорее станет инженером или кем захочет. Долгие годы я жил очень расчетливо, теперь я могу дать зато детям многое, что поможет им стать на ноги. Да, я был расчетлив, даже скуп, преследуя определенную цель. Я готовился к этому часу, когда смогу целиком взять на себя воспитание детей, поставить их на ноги...

— Долго готовились,— тихо сказал Федотов.

— Возможно. Я принимаю ваш упрек. Возможно, слишком долго. Возможно, что я поступил в свое время несколько жестоко. Но я имел право так поступить: я был обижен. Мы говорим о прошлом; подводя итоги трех жизней, я признаю, что мне тогда, вероятно, хотелось не то, чтоб ей отомстить, но чтоб она почувствовала, что без моей поддержки ей плохо. Мне хотелось, чтоб она попросила помощи. Возможно, что я помогал ей нарочно меньше, чем был в состоянии, по вышеприведенным причинам...

— Возможно,— вдруг сказал Федотов.— Все это очень даже возможно. А если бы ребятишки заболели с голоду, дожидаясь, пока

ваше законное чувство в себя придет? Это тоже было возможно.

— Ну-у! — с глубокой укоризной, точно человеку, применившему запрещенный прием в детской игре, протянул отец.— Не стоит так... Не так страшно, не так страшно уж обстояло дело.

— Или свихнулись бы без присмотра, какой-нибудь дрянью сделались!

— Все же обошлось! — оптимистично подбодрил отец.— Что ж ворошить, что могло бы быть. Так мы перейдем на упреки. Того гляди пойдут воспоминания о всяких неприятных событиях.

— Это ни к чему.

— Совершенно ни к чему... Вернемся к фактам сегодня. Вам трудно, у вас ограниченные возможности, мы это знаем. И дети не ваши. А у меня у отца есть дом. Мои родители недавно умерли, и дом перешел ко мне и стоит пустой. Это маленький хороший городской дом в районе парков. Недалеко от моря. Почти в городе. И город наш чистый, культурный и благоустроенный. Нам, старикам, это кажется пустяками, а подумайте, что это значит для детей: забавно украшенные витрины, красивые кино и музыка в парке, отлично освещенные улицы и всякая чепуха вроде небольших кафе с милыми детским сердцам пирожными, хорошо сшитый костюм или легкое белое платье для школьного бала... Даже асфальт, освещенный пестрыми огнями реклам по вечерам, действует на молодежь бодряще... А здесь, в поселке, вероятно, осенью бывает грязновато на улицах?

— Да,— сказал Федотов.— Правильно. Осенью. И весной тоже грязно бывает.

— Конечно, это все наладится и у вас. Хотите поглядеть: вот фотография дома. Ребятишкам нравится. Они, кажется, выбрали, какое чье будет окно... У нас ведь там хватит отдельных комнат на каждого.

— Вот оно как...— сказал Федотов.— Уже выбрали?..

— Вам завтра уходить в рейс, мне ребята сказали?

— Нет, сегодня.

— Ах да, совершенно верно, это они вчера говорили. Я поживу тут еще немного, пусть ребята попривыкнут еще ко мне. В конце концов вы понимаете: главное, чтоб ребята, пока у них есть еще время, пожили немного веселей, чище, удобней и приятнее, попользовались всем лучшим из того, что возможно получить. Вот и все. Мы договорились. Весы правосудия будут в руках у ребят, а мы не станем подкидывать на чаши свои гирьки. Ребятки сами решат свою судьбу, и мы склонимся перед приговором этой несовершеннолетней Фемиды... А сегодня у нас запланирован цирк. Им, оказывается, очень хочется. Ну что ж, ладно, цирк так цирк.

— Ну вот, мы обо всем и договорились, заходите! — крикнул он, когда Соня просунула голову в дверь.

Было воскресенье, в цирке давали дневное представление, и времени оставалось маловато.

Соня при прощании, заглядывая в глаза, потихоньку шепнула Федотову:

— Только обещай, что не будешь без нас скучать!

— Ну, что ты,— сказал Федотов, силясь понять, что значат эти слова.— Поезжайте, мне тоже скоро собираться!

Младший мальчик появился в новом, подаренном отцом пестром свитере с начесом. Надел, видно, не утерпел, хотя придется попотеть бедняге. Свитер был ему велик, воротник подпирал под подбородок, и вид у него был вроде как у щенка, которому на шею навязали ленту с бантом: дурашливо-нарядный.

Эрик шутливо обнял Федотова, отстав от младших — вообще-то такие нежности у них были не в ходу,— и вскользь спросил, о чем они договорились.

Обнимая его, Федотов вдруг с режущей ясностью вспомнил, как шесть лет тому назад они обнялись при встрече, после возвращения с фронта, какие гибкие, тщедушные косточки он чувствовал у себя под руками и как тогда понял, до чего же ему дорог этот хмурый, щупленький паренек. А ведь с тех пор он привязался к нему еще сильнее. Он поскорее,

шутливым толчком в плечо, высвободился, не давая себе воли думать, что это может быть их прощание навсегда.

— О чем нам договариваться? Я в этом деле вам не советчик. Думайте сами. Как вам лучше.

— Ясно,— спокойно сказал Эрик и тряхнул головой.

Через минуту Федотов уже сидел одинодинешенек в доме, чувствуя себя так же уютно, как если бы ему поставили стул посреди городской площади и оставили там сидеть одного среди толпы.

На столе так и осталась лежать фотография дома. Теперь он придвинул ее к себе и рассмотрел. Добротный, каменный, с крытой верандочкой и цельными стеклами, без переплетов. Крыша черепичная, а за ней видны очертания других черепичных крыш и шпили нерусских колоколен. Городок, видать, аккуратненький и от войны не пострадал...

Времени у него было еще пять часов до прихода автобуса, на котором он должен был догнать свой пароход среди рейса. Так что оставалась надежда дождаться возвращения ребят из цирка. Хотелось бы повидать их лица, хоть угадать, как там и что. К чему клонится дело?.. «Родная кровь»... А что это — родная кровь, черт его знает. А им и вправду неплохо будет в этом домике под черепицей. Будут вот из этих окошек выглядывать. Дети — все-таки дети. Поскучают и привыкнут на новом месте. У детей все заживает быстро. Только к старости раны на сердце перестают заживать. У него-то никогда это не заживет.

Он побрел вдоль стен, осматривая комнату. Все еще было на своем месте, но все уже ускользало, покидало его, это он чувствовал. Две маленькие детские постели стояли в закутке между окон. У Сони на подушке маленькая «думка», она любила ее подкладывать под щеку. Детские книжки на этажерке. Немало детских книжек ему пришлось перечитать за эти годы, начиная со сказок Андерсена. «Конец, всему на свете приходит конец» — вот как кончается там сказка. Даже старик Андерсен это понимал, значит, нечего и хныкать. «Проживешь, старый хрен, доживают же люди в одиночку старость»,— сказал он себе очень бодро, но никакой бодрости не ощутил. Если бы Соня была с нами, как все было бы легко и просто! Соня с ее ласковыми быстрыми руками. Сумасшедшая, безоглядная Соня, которая как-то сумела зажечь этот фонарик с прилипшим желтым листком среди водяного тумана, так, что он светит ему и сейчас...

Прождав все свои оставшиеся пять часов, Федотов достал из кармана деньги, отсчитал себе на папиросы и на автобус, а остальные положил в коробку от пастилы на кухонную полку, как всегда. Взял свой чемоданчик, сунул ключ под перекладину крыльца и вышел к автобусной остановке на шоссе.

На пароходе заканчивалась погрузка, матросы беглым шагом сновали по сходням с пахучими кульками воблы на плечах. Пробегая мимо Федотова, они здоровались, улыбались на ходу, шутили. Работа была спешная, легкая и веселая. Пассажиры, столпившись вдоль поручней верхней палубы, следили за суетой товарной пристани, с любопытством проезжих разглядывали круто спускавшуюся к реке улицу, дома и самые обыкно-

венные дворики, где сушилось на веревках белье, с криком кувыркались по травянистому откосу ребятишки, играя с развеселой собачонкой, на вечерние дымки из труб чужих домов, на галок, слетавшихся на ночлег, болтая на лету,— на все самое обыкновенное, что делается вдруг интересным, когда знаешь, что через минуту уберут сходни, пароход выйдет на середину Волги, и ты никогда больше не увидишь ни этой собачонки, ни двориков, и вся эта обыкновенная, будничная жизнь, которой живут люди за этими стенами и окнами, для тебя так и останется чужой, неразгаданной.

Федотов зашел к своим в машинное отделение и пробыл там до самой команды капитана. Послушал, как заработала машина на «самом малом вперед» и до «полного вперед», и вернулся в свою каюту, куда отнес прежде чемоданчик.

Знакомое подрагивание корпуса, воздух нагревшейся за день каюты, куда теперь сквозь решетчатые жалюзи лился свежий трепещущий ветерок,— все ему говорило: «Мы на месте, жизнь продолжается, пароход держит свой курс». На фотографию Сони он избегал глядеть подолгу: слишком уж хорошо он ее изучил. Но мельком он взглянул. Она была такая же, смеялась и радовалась той минуте, от которой остался этот бумажный отпечаток. Ну что ж, ведь, кажется, ей, правда, было хорошо тогда. И этого тоже никто не увезет у него с квартиры в другой дом, с черепичной крышей...

Когда пароход, обогнув крутую излучину, вышел на прямую, Федотов надвинул на лоб фуражку и неторопливо поднялся на пустынную верхнюю палубу, где стояла стеклянная рубка управления и куда пассажиров не пускали.

Далеко впереди уже показалась редкая сосновая роща и ярко желтел, наполовину освещенный косым вечерним солнцем, песчаный обрыв.

Вахтенный рулевой обернулся на Федотова. Не дожидаясь его знака, деловито кивнул и потянулся к рукоятке. Зашипел пар, послышался сиплый звук не набравшего силу гудка, и затем густой, певучий волжский гудок взлетел над палубой, и его отголосок донесся немного спустя откуда-то издалека.

Скоро стал отчетливо виден весь пустой пригорок с березой. Он стал прямо против парохода и начал уплывать назад. Рулевой потянулся было к рукоятке, но Федотов отрицательно покачал головой. Вахтенный распахнул стеклянную дверь. Вид у него был встревоженный, удивленный, так что Федотов даже улыбнулся и объяснил, что все в порядке, просто никого нет дома. Так оно, собственно, и должно было быть.

— Ах, вот оно что! — недовольно сказал вахтенный, но видно было, что ему что-то не нравится, и он раза два оглянулся еще на уходящий пригорок посмотреть, не появится ли там кто-нибудь на обычном месте.

Надо было начинать новый поворот. В сумерках зажглись сигнальные огни, потом широкие окна ресторана и квадраты пассажирских кают.

В тот же час в номерах городской гостиницы зажигали люстры.

На круглом столе среди неубранных блюд и тарелок, перепачканных в соусе, остывал мельхиоровый кофейник около вазы с недоеденным пирожным. Обед давно кончился, но все оставались на своих местах вокруг стола, как сидели за обедом.

Гонзик всхлипывал, глубоко провалившись в мягкое кресло. Он громко пискнул, сдерживая рев, и его багровое, зареванное лицо вынырнуло между кофейником и вазой. Он плаксиво крикнул, обращаясь к брату:

— Чего ты придираешься? Ничего я не говорил! Разве я говорил, что один поеду? Как вы, так и я!

— Перестань ты сырость разводить,— презрительно сказал Эрик.— Решать ты должен, как ты, а не как я. Чего ты все за других прячешься?

— Не трогай ты его, Эрька! — Соня погладила вихры на макушке всхлипывающего мальчика.— Чего расстраиваешься, Гонзик? Ну, чего? Никто тебя насильно не увозит, и никто тебя тут не держит.

— Правда, правда!..— Отец привстал и, еле дотянувшись через стол, кончиками пальцев ласково похлопал Гонзика по горячей влажной щеке.— Не надо все так преувеличивать. Не происходит ничего непоправимого. Мы сядем в обыкновенный поезд и поедем в город, где вы родились. Поживем вместе, вы осмотритесь. Если вам понравится, вы останетесь навсегда. Если не захотите, вернетесь обратно к своему Федотову.

— А я что им говорю? — торопливо вытирая радостно заблестевшие глаза, воскликнул Гонзик.— Мы же только поедем, посмотрим все вместе, ну что тут такого?

— Тем более даже с Федотовым мы договорились, как вы знаете. Мне кажется, что в глубине души он сам не прочь... Не забывайте, ведь вы все-таки для него не родные, вы совершенно посторонние друг другу люди... Ну что ты морщишься, Эрик?

— Так. Потому что ты говоришь, что Федотов посторонний.

— Ах, это тебя коробит? Ну ладно. Но что этот непосторонний Федотов человек не слишком... м-м... развитой, это ты ведь понимаешь? И что он работник средней квалификации и зарабатывает немного? Ему же трудно содержать троих. Возможно, он к вам привязан, не берусь судить, но он не может не почувствовать и облегчения, когда с него снимут это бремя. Это естественно, я не в осуждение ему говорю.

— Видишь ли...

— Я просил тебя называть меня «папа», а не «видишь ли».

— Хорошо, папа.

— Мне нравится в тебе эта черта. Нравится, что ты не легко отказываешься от своего мнения, даже то, что ты защищаешь этого Федотова. Это по-мужски, сынок! Но раз уж мы тут собрались, такие взрослые мужчины, так и будем говорить как подобает. Я ведь приехал сюда ради вас, узнав, что умерла ваша мать. Ради вас я пошел на то, чтобы встретиться с Федотовым. Мне это было не очень приятно, как вы понимаете. Федотов виноват передо мной, виноват перед вами. Он вошел в чужую семью, он ее разрушил. Такой поступок сурово осуждается в любом обществе: не только в нашем, социалистическом, но в любом цивилизованном обществе. И когда ты говоришь о Федотове, вспомни прежде всего именно об этом, именно об этом, чтобы увидеть все в правильном свете.

— Он очень любил маму,— с трудом выговорила Соня.

— О, тебе еще капельку рано рассуждать на эти темы, дочка. Чуть-чуть рановато!

— Ну почему же? Мы просто знаем, что мама его любила. И он тоже. Даже когда мы были совсем маленькие, мы это тоже знали. Тут нельзя ошибиться, это просто видно.

— Уфф,— сказал отец, вытирая платком сухой лоб.— Хорошенький разговор у нас получается. И ты так спокойно все это мне выкладываешь в лицо. Очевидно, тут мне одному придется краснеть за всех.

— Видишь ли, дело в том...

— Я просил, я столько раз просил!

— Хорошо, дело в том, папа, что мы знаем Федотова лучше, чем ты. Мы много лет видели его каждый день, а когда ты говоришь про него плохо...

— Эрик! — умоляюще проговорила Соня, тревожно вслушиваясь в его голос.— Потише, Эрик! Пожалуйста...

— Да, хорошо... Не знаю, как это сказать...

потише. Ну, в общем, наши ребята считают просто гадами таких, кто смолчит и за своих не заступится, если их за глаза обвиняют.

— Какие еще ребята?

— Ну любые. На судостроительном и вообще... Когда мы там, на перевозе, жили... Он взял меня с собой в МТС, и я там около него вертелся в мастерских и видел, как он работал, чтоб поспеть закончить, пока у него отпуск. Чтоб для нас заработать хлеба. Я видел, как он работал!

— Эрик!..— умоляюще проговорила девочка, привставая с места, и повторила повелительно: — Эрик!

— Да ничего, пускай говорит, это ничего! — благодушно улыбнулся отец.— Ну, ну, Эрик, так как же он работал? Хорошо, отлично, много работал, да?

— Как, как! — с угрюмой угрозой в голосе, весь сжимаясь, твердил Эрик.— Что вы сейчас можете понять, как...— Он два раза проглотил слюну, прежде чем продолжать.— Да, по ночам работал. И у него все начинало болеть внутри от усталости. Он же не поправился тогда как следует после операции. И он вдруг бросал инструмент и уходил во двор, и его... его рвало от усталости и от боли, и он возвращался, держась за стенку, и изо всех сил туго заматывал себе живот полотенцем, чтобы унять боль, и опять тянулся за инструментом.

— Ты этого никогда не рассказывал,— быстро сказала Соня.

— Он взял слово. Чтоб я маме не говорил. И я не сказал... Я только сейчас сказал, раз зашла речь, как его видеть в правильном свете.

— Я бы не был на тебя в претензии, если бы ты меня избавил от этих натуралистических подробностей. Вообще, кончим обсуждение кандидатуры Федотова. К чему это? Нам нужно просто решить, на какой день заказать билеты, чтоб съездить в родной город. Право, все это так просто, а?

— Ну, правда,— умоляюще протянул Гонзик, начиная радостно улыбаться.— Ну, поехали, съездим... Ну, Соня, ну, соглашайся, что тут думать-то, как будто плохое что-нибудь.... Ну, Федотов, он хороший, мы, правда, любили Федотова, папа... А почему нам не поехать к папе?

— Ах, ты его «любил»?..— усмехнулся Эрик.— Поезжай. Только смотри, вдруг тебя кто-нибудь поманит мотоциклом вместо велосипеда, ты папу не бросай, а то ты можешь!

— Дурак!—злобно окрысился Гонзик.— Глупости говоришь. Как будто я из-за велосипеда.

— Помолчите все. Эрик, ты старший, говори первый, ну как? Брать билеты?

Эрик, угрюмо помолчав, нехотя заговорил, морщась и глядя в пол.

— Ты как-то просто представляешь себе все. Взял и поехал. Как же так? Ведь я на работе.

— Ну, ты возьмешь расчет. Или отпуск. Я тебе это устрою, не бойся.

— Это я понимаю, отпуск. А что я скажу ребятам?

— Ты скажешь, что нашелся твой настоящий отец и ты уезжаешь к нему. Это всякий поймет. Это даже профсоюзная организация одобрит!

— Это я понимаю. Что можно тихо смыться. Только я на такое дело не могу... Я должен выйти на комсомольском собрании и сказать ребятам правду. Сказать про Федотова... они его знают, знают, что он нас вырастил, что мы одна семья. Сказать, что я хочу его оставить. Бросить школу и завод, расстаться со всеми друзьями, с поселком, с Волгой... и теперь поеду посмотреть, не лучше ли мне будет житься в другом месте. Кажется, там зарплата побольше и дом получше, так что мне, пожалуй, там жить будет поудобнее, повыгоднее. Вот что я должен прийти и по совести им сказать. Нет, нет, папа! Тут вилять нечего. «Поедем — посмотрим!» Тут надо либо ехать, либо оставаться. Чего мне там смотреть? Ты уж извини, папа... как-то ужасно глупо звучит, но ведь правда... отца себе человек не выбирает по вкусу, а ты нам предлагаешь выбрать: тебя или Федотова. Кровь? Это я не понимаю и не чувствую, что такое кровь. А Федотов был нам другом и отцом, и выбирать себе другого получше или повыгоднее... мне как-то даже говорить противно эти слова. И стыдно... Пусть маленькие сами думают за себя.

— Маленькие! — вздохнула Соня, неотрывно глядя на брата блестящими ясными глазами.

— Ну, ну,— снисходительно проговорил отец.— Я вижу, опять придется начинать сначала. Вернемся на землю после пламенных речей и обсудим все спокойно со всех точек зрения...

Возвращаясь обратным рейсом, «Добрыня» на повороте реки начал прижиматься ближе к правому берегу, держась узкого в этом месте фарватера.

«Похоже, что пароход старается поскорей заглянуть за угол»,— подумал капитан. Он прохаживался просто так, без всякого дела по верхней палубе. Совершенно без всякого дела. Только вскоре поймал себя на мысли, что ему тоже хочется заглянуть «за угол», увидеть то, что откроется за высокими обрывами левого берега.

Наконец весь берег от поворота до поворота открылся. Далеко впереди замаячили редкие сосны рощи над обрывом и кое-где первые огоньки в поселке, зажженные слишком рано, когда солнце едва скрылось за горизонтом и над рекой синели светлые сумерки...

Пожалуй, нечто вроде маленького дела у него все-таки было. Именно: в этот момент, когда «Добрыня», обогнув поворот, выйдет на прямую, надо проследить, чтобы вахтенный не вздумал бы по старой привычке дать сигнальный гудок.

Он зашел в рубку, постоял рядом с рулевым, сказал «ну, так-так»... и, собравшись уходить, обернулся невзначай.

— Ты, Алапин, тут насчет гудка не спутай. Гудок отставить.

— Есть! — сказал рулевой, не отрывая глаз от бакена, отмечающего фарватер.— Однако если в действительности все подтвердится, я о людях делаюсь худшего мнения!

— Бывает! — неопределенно заметил капитан.

— И как-то я все увериться не могу. Девчонка действительно вылитая мать, а этот, его парень, все находят, что похож на Федотова. Ну, какой же тогда закон природы, если они оказываются даже не родные? Нет!..

— Наше самовнушение,— задумчиво сказал капитан.— Или так у них характеры выровнялись, один к другому. Ребятишки, они ведь вроде мартышек. Выберут себе кого-нибудь, кто понравится, и все с него перенимают. Сперва походку, ухватку или разговор. А потом, глядишь, и весь характер.

— Это точно... Только какой попадется, а то другой раз пол-улицы мальчишек возьмут копию с такого прощелыги-барбоса, вроде как у нас на...

Капитан, не дав ему договорить, строго повторил несколько раз:

— Обожди! Обожди, Алапин... Обожди!.. Еще обожди... Так... Ясно. Давай гудок!..

Старший механик услышал в своей каюте гудок и, не шевельнувшись, продолжал лежать на койке, глядя в потолок. По звуку он знал, что это не сигнал встречному судну. Он знал, что это «его» гудок, который кто-то дал по ошибке, и потому продолжал лежать, хотя этот звук сейчас же вызвал в его сознании целую цепь связанных с ним картин: ветер в лицо, плеск и шипение воды у бортов, косое солнце, песчаный обрыв и береза на пригорке и, все это мелочь, главное — это ни с чем не сравнимое, необходимое для жизни ощущение, что тебе радуются, тебя ждут, ты нужен. Очень. Просто позарез, ты один нужен, почему-то из всех людей, что и красивее, и умнее, и лучше, чем ты. По какому-то чуду, вот такого, как ты есть, некрасивого, немолодого, угрюмого — именно тебя одного хотят, дожидаются, скучают по тебе и радуются твоему возвращению.

В дверь стукнули, сейчас же приотворили, и в каюту всунул плечо и голову старый приятель Федотова, начисто лысый, черно-загорелый и усатый старый матрос Козлов.

— Ай заснул? Что ж ты развалился-то? Гудка не слышал?

Федотов быстро сел. Не глядя на Козлова, буркнул:

— Ну, слышал.

— Ну, так чего сидишь-то? Иди, выйди. Оглушило тебя, что ли? Что ты как неразумный уставился? Ну? Ему там махают, махают, а он, как тюлень, отлеживается. Не торопится! Характер свой показывает. Дурной это характер, Федотов, я тебе скажу.

Почему он уж так уверил себя, что ребята давно уехали и дом стоит пустой, брошенный и одинокий отныне и навсегда? Почему?

Федотов снял со стены фуражку. Он еще не чувствовал радости. Он даже ослабел как-то на минуту, притих, чувствуя, что на него, того и гляди, налетит и подхватит такая радость, что только бы на людях не осрамиться, не выкинуть бы чего-нибудь лишнего.

Федотов слегка оттолкнул Козлова, протискиваясь мимо него в дверь. На мгновение задержался, ухватив его за плечо и доверчиво заглянув в глаза. В голосе его слышалась почти нежность:

— Глупое ты Козлище, какой там характер? Разве мне сейчас до характера?

Он быстро прошел по коридору, поднялся по закрытому трапу, потом по второму и, выйдя на палубу, начал подниматься по открытому к последней, третьей палубе.

Капитан надвинул на голову фуражку и посторонился, давая Федотову место рядом с собой на мостике.

На пригорке у березы плечом к плечу стояли двое. В высоко поднятой руке Сони трепетал на ветру знакомый пестрый шарфик, точно сигнал «счастливого плаванья». Заметив Федотова, она торжествующе взмахнула шарфом и повела, закрутила его у себя над головой восьмеркой. Эрик начал степенно, да вдруг замахал шапкой весело, отчаянно, помальчишески.

Федотов, слегка перегнувшись через перила, радуясь, что лица его никто сейчас не видит ни с берега, ни с борта парохода, приподнял фуражку над головой и плавно покачивал ею в воздухе до тех пор, пока с парохода еще можно было разглядеть все уменьшавшиеся фигурки ребят.

Наконец только Сонин шарф над обрывом по временам на взмахе мелькал белым пятнышком в густеющей синеве сумерек, хотя в небе было еще совсем светло, оттуда несся гул моторов самолетов и там двигались две сверкающие точки, оставляя за собой параллельный след, точно взрыхленную белую лыжню по голубому полю.

ОПЕРА С. ПРОКОФЬЕВА «ВОЙНА И МИР» НА СЦЕНЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО БОЛЬШОГО ТЕАТРА СССР

8-я картина. Ополченцы на Бородинском поле.

Кутузов — народный артист СССР А. Ф. Кривченя.

Наполеон — народный артист СССР П. Г. Лисициан.

Андрей Болконский — заслуженный артист РСФСР Е. Г. Кибкало.

Пьер Безухов — артист А. А. Григорьев.

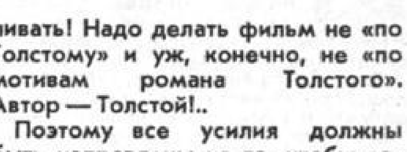
Андрей Болконский на Бородинском поле.

Фото Е. Умнова.

Сцена из 1-го акта. Слева направо: Элен — народная артистка РСФСР И. К. Архипова, Анатоль Курагин — артист А. Д. Масленников, Наташа Ростова — народная артистка РСФСР Г. П. Вишневская

Рождается фильм

На «Мосфильме» перед пробами...

Л. ОСИПОВА

Сверкают шитые золотом мундиры, аксельбанты; мелькают комбинезоны и береты рабочих, занятых разборкой декораций; и — лица... Знакомые лица героев толстовского романа.

Мы подходим к Андрею Алексеевичу Петрову, одному из режиссеров.

— Да, сегодня пробовали актера на роль Кутузова. Узнали его? Чудесный Кутузов! Какой скупой жест, какая глубина интонаций!

Завтра начнутся новые репетиции с новыми Анатолями Курагиными, Долоховыми, Сонями, князьями Болконскими... Их очень много, артистов, похожих на персонажей толстовского романа, а нужен не просто похожий, но «тот самый», единственный.

Идем по длинному коридору, где за каждой дверью волнуются, спорят, ссорятся, и все по одному, неизменному поводу. Это «Война и мир»!..

Гримерная. В громадных зеркалах, охватывающих все стены, кажется, не умещаются улыбки, глаза, жесты, позы... Снимают грим актеры, только что вернувшиеся со съемок; гримируются те, кому съемки предстоят... Вспоминается сообщение фирмы, финансировавшей съемку американского фильма «Война и мир»: 60 тысяч усов и бород пришлось сделать для артистов, 7 тонн грима было использовано во время съемок.

— Может быть, для нашей «Войны и мира» потребуется десять тонн грима и в два раза больше усов,— смеется художник по гриму М. Чикирев,— но я не подсчитывал! Знаете, работу художника на тонны не меряют.

Костюмерная. Она невелика по размерам.

— О, для всех наших костюмов, которые шьют сейчас на многих московских фабриках, не хватит и десяти таких костюмерных! — Это заявляет хозяин костюмерной художник М. Чиковани.

— Вы представляете себе — пять тысяч военных костюмов и около тысячи светских! И все они должны сочетаться по краскам, особенностям покроя, линий. Пришлось сделать 560 различных эскизов. Не поверите, иногда не спим по ночам...

Вот самая шумная комната. Здесь склонились над громадными листами бумаги, расчерченной по клеточкам, несколько ассистентов режиссера. Они читают сценарий и в каждую клеточку вносят: «Массовка — 300 человек; реквизит — котел, манерки, ядро чугунное; костюмы...»

Здесь же разбирается корреспонденция, которая приходит со всех концов Союза. Ведутся переговоры с артистами, вызванными на репетиции, фотопробы и кинопробы.

В дверях появляется худенькая девушка с чемоданчиком в руке. Она тихо здоровается и ставит чемоданчик на стул около стены. Но почему-то все присутствующие бросают работу: «Люсенька приехала!» Ее обступают, пожимают руки, знакомят:

— Наша Наташа! Да, Наташа Ростова!..

Это Людмила Савельева. Ей 20 лет. Она живет в Ленинграде. Всего год назад сдала выпускные экзамены в хореографическом училище имени Вагановой и была принята на сцену Кировского театра оперы и балета. «Жизель», «Медный всадник»... Будущее казалось таким определенным. И вдруг...

— Люсенька! Завтра вам надо быть в музее Толстого.

— Люсенька! Начинаются занятия в манеже. Через какие-нибудь полгода вы будете великолепно держаться в седле!..

— Люсенька! Вас ждут в гримерной...

* * *

Наше путешествие, конечно, не может обойтись без встречи с Сергеем Федоровичем Бондарчуком, режиссером-постановщиком «Войны и мира».

Вот что он рассказывает.

— Первые дни. Состоялось решение о постановке картины «Война и мир». Такое чувство, будто предстоит начать всю жизнь заново! Словно я космонавт, оторвавшийся от земли...

Но не очень-то оторвешься от нее. Ведь сразу налетели тысячи забот. Сценарий. Кто будет его писать?.. Артисты. Кого пригласить на съемки? Вдруг звонят из Исторического музея: просят срочно познакомиться с интереснейшими рисунками Фабера дю Фора, французского офицера, участника кампании 1812 года. Из Кутузовской избы (это филиал Бородинского музея) присылают копию недавно найденного в архивах одного из последних приказов Багратиона... Артиллерийский музей в Ленинграде обещает предоставить для съемок подлинное оружие...

А сколько хлопот вызвано выбором натурного места съемок! С художником картины Е. Куманьковым едем в Ленинград, затем мчимся в Углич, Владимир, Суздаль... «Ищем» Москву начала XIX века. Ведь в самой Москве мало сохранилось от ее старого облика. Решили снимать Москву в Суздале.

В то же самое время я послал письма многим актерам с просьбой принять участие в предстоящих съемках, высказаться относительно трактовки образов романа.

О сценарии мы вели переговоры с писателями. Но каждого из них связывали свои планы, свои замыслы, свои обязательства. И за сценарий сели мы сами: я и молодой кинодраматург Василий Соловьев.

Роман Толстого представлялся нам громадой, как бы созданной во всей целостности и законченности самой природой. Как переложить его на язык современного кино, не разрушая чудодейственной ткани?

Однажды летним утром мы приехали в окрестности Бородина. Росой еще прибита была пыль на дорогах, медленно поднимался туман над рекой. Багратионовы флеши, редут Раевского... А вот окраина деревни Князьково, где накануне сражения лежал в разломанном сарае князь Андрей и смотрел на пашню, и кустарник, на дымы костров солдатских кухонь...

Сейчас не было ни деревни Князьково, никакого разломанного сарая, нигде не дымились костры солдатских кухонь, да ведь и князь Андрей никогда не существовал в действительности!.. Но все представившееся было так волнующе живо, что казалось воочию виденным, реально происшедшим. Может быть, это промелькнули кадры уже отснятого фильма?..

И тогда стало ясно: не надо ничего выдумывать, ничего домысливать! Надо делать фильм не «по Толстому» и уж, конечно, не «по мотивам романа Толстого». Автор — Толстой!..

Поэтому все усилия должны быть направлены на то, чтобы согласовать язык Толстого с языком кинематографа. Это трудно. Но знаете ли вы, что многие сцены романа написаны словно профессиональным кинорежиссером?! Сцену дуэли Пьера и Долохова и некоторые другие сцены мы перенесли в сценарий без каких-либо изменений. В самом тексте романа можно найти указания на раскадровку, на ракурсы съемок, переходы из среднего плана в крупный и так далее.

После многих споров и размышлений мы решили снимать фильм цветной, широкоформатный. Не потому, что так эффектнее. Это оказалось необходимостью, продиктованной всей структурой, всеми стилевыми особенностями романа.

Заметили ли вы, что Толстой объединяет во времени многие сцены и события, «сопрягает» их, как любил говорить Пьер Безухов? На именинах у Ростовых гости танцуют шестой англез — в это же время с графом Безуховым делается шестой удар; среди толпы раненых под впечатлением Бородинского сражения бредет Пьер Безухов — а Элен в это время сетует на страшную раздвоенность: ей приходится выбирать одного из двух «искателей», делавших ей предложение...

Что, если на экране совместить сцены? Широкое полотно разделяется на две или даже на три части, и зрители видят сразу несколько различных действий... В наше время подобный замысел был у А. Довженко, когда он писал сценарий «Поэмы о море». За день до смерти в своем рабочем кабинете на «Мосфильме» он чертил мелом на доске этот экран, разделенный на три части...

Наш замысел, конечно, еще будет проверяться на съемках. Но для нас уже сейчас важно, что он не только оправдан толстовской манерой, но и вызван ею.

...Вот так сейчас и живет съемочная группа «Войны и мира» — огромный творческий коллектив, поверяющий всю свою работу гениальным созданием Льва Толстого.

Острый старт

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

Кюрасао! Не каждый знает, куда забрались восемь претендентов на матч с Михаилом Ботвинником. Остров Кюрасао расположен недалеко от Республики Венесуэлы и является владением Голландии.

Зачем, спрашивается, понадобилось гроссмейстерам лететь так далеко, в страну, где минимальная температура 20 градусов тепла? Неужели нельзя было найти более близкий пункт, где можно расставить четыре шахматных столика и решить наконец вопрос, кому играть с М. Ботвинником очередной матч на первенство мира? Но дело в том, что остров Кюрасао уже давно обратился в ФИДЕ с просьбой предоставить ему возможность провести этот турнир, и, поскольку других предложений не поступило, ФИДЕ и решило отправить гроссмейстеров в столь дальний путь.

Если в прошлом веке М. Чигорин охотно отправился на матч в Гавану, если А. Алехин в 1927 году сражался и победил в знойной Аргентине, то сегодня желающих попасть на «прием» к М. Ботвиннику так много, что гроссмейстеры согласны лететь не только в Кюрасао, но даже в космос!

Как только шахматному миру стали известны имена всех восьми пассажиров в Кюрасао, начались горячие обсуждения, посыпались разнообразные прогнозы. В одних шахматных журналах можно было прочесть, что главным фаворитом является М. Таль, в других утверждалось, что Р. Фишер. Про П. Кереса же говорилось лишь одно: сейчас или никогда, учитывая, что эстонский гроссмейстер через 4 года отмечает пятидесятилетие. Высоко оценивались также шансы Т. Петросяна, Е. Геллера, и лишь Корчной немного вышел из доверия после своей неуверенной игры в Стокгольме. Всем было ясно, что М. Филип — «крепкий орешек», и не очень высоко котировались шансы на успех П. Бенко. Впрочем, он сам был согласен с такой оценкой и после турнира в Стокгольме заявил, что еще как следует подумает, стоит ли ему вообще ехать в Кюрасао, так как занимать последнее место не очень приятно.

Кто же будет играть с М. Ботвинником — задавали один и тот же вопрос восьми пассажирам, но они лишь качали головами и разводили руками: посмотрим, поиграем, поживем, увидим. Только у одного гроссмейстера сомнений не было — Роберта Фишера. На весь мир заявил он: играть с чемпионом мира буду я! В одном интервью, напечатанном в американских журналах и затем появившемся в разных европейских журналах, в типично американском сенсационном стиле Фишер раскрыл свои далеко идущие планы. Мы узнали, что, став чемпионом мира, Фишер напишет книгу о матче, что он совершит путешествие по всему миру, что он купит себе яхту, что он будет одеваться, во всяком случае, не хуже президента Кеннеди и, наконец, откроет свой шахматный клуб в Нью-Йорке, в который будут пускаться посетители только в смокингах.

Таковы были планы Бобби еще до турнира в Стокгольме. Понятно, что блестящий успех еще больше вскружил голову юному чемпиону США, и он, полный радужных надежд, спешил в Кюрасао. Теперь мы уже знаем, какой ледяной душ ждал его на тропическом острове!

Турнир претендентов является для любого гроссмейстера тяжелейшим испытанием. 28 туров с сильными соперниками — это требует колоссального умственного и физического напряжения, не меньшего, чем сам матч на первенство мира. Понятно, что все участники это учли и старались до турнира отдохнуть и войти в лучшую форму. Тот, кто видел советскую пятерку накануне вылета в Кюрасао, мог легко констатировать, что в отличной форме П. Керес, Т. Петросян, Е. Геллер. Довольно свежо выглядел В. Корчной. Но М. Таль казался каким-то усталым, бледным, похудевшим.

В чем дело, что с ним такое? Представитель латвийской шахматной федерации объяснял нам: «Теперь Миша выглядит прилично, месяц тому назад он чувствовал себя еще хуже». Дело в том, что недавно экс-чемпион мира подвергся операции. Она прошла успешно, но любая операция, конечно, ослабляет организм.

Не скрою, что накануне турнира я также считал Таля фаворитом. Но, узнав о состоянии его здоровья, задумался: сможет ли Таль выдержать такое напряжение? А ведь турнир в Кюрасао для Таля серьезнее, чем прошлый турнир претендентов. И вот, вернувшись после проводов советских шахматистов домой, я начал изучать итоги турнира в Югославии. Там М. Таль набрал во встречах с иностранными участниками 14,5 очка из 16-ти. С советскими участниками он сыграл значительно скромнее: 5,5 очка из 12 возможных.

В Кюрасао выступают три иностранных и, кроме самого Таля, еще четыре советских шахматиста, причем среди них В. Корчной, «страшный» противник для Таля. Читатель, вероятно, знает, что Таль пока не выиграл у Корчного ни одной партии! Взвешивая все эти важные факты, надо признать, что прав М. Ботвинник, который считает, что у всех наших пяти гроссмейстеров равные шансы на успех.

С большим нетерпением шахматный мир дожидался начала этого интереснейшего шахматного «конфликта». Если бы турнир проходил где-нибудь в Европе, корреспонденты звонили бы непрерывно, чтобы узнать, как дела у участников. Но одна минута телефонного разговора с Кюрасао стоит пять рублей!

И все же, как говорится, слухами мир полнится. Так, мы узнали, что в первом туре, когда Р. Фишер отложил партию с П. Бенко, чемпион США с грустью посмотрел на две центральные проходные пешки своего партнера. А во втором туре Фишер снова с грустью смотрел на две проходные пешки. На сей раз они принадлежали Геллеру.

Четыре связанные проходные пешки в двух партиях! Нет, этого не мог выдержать даже Бобби! Вот почему он дважды признал себя побежденным, не возобновляя игры. Удивительное начало! В Бледе и Стокгольме Фишер не проиграл ни одной партии, а тут, в Кюрасао, сразу две. Но надо знать Фишера! Конечно, он расстроен здорово. Когда-то он вообще не мог удержаться от слез после проигрыша. Сегодня его так легко из седла не выбьешь.

«Неужели это правда?» — восклицают те, которые «болеют» за М. Таля. Поражение в первом туре от Т. Петросяна явилось неожиданностью потому, что в Югославии все четыре партии между ними закончились вничью. «Но это к лучшему, — готовы были шутить самые заядлые поклонники Таля,— ведь Миша всегда проигрывает в первом туре». Но вот во втором туре Таль проиграл П. Кересу. «И это нормально, ибо Кересу Таль проигрывает, как правило (в Югославии счет был 3 : 1 в пользу Кереса)»,— «успокаивали» себя талевцы. Но когда стало известно, что в третьем туре экс-чемпион мира умудрился проиграть еще и П. Бенко, задумались самые заядлые оптимисты. Конечно, дистанция впереди еще грандиозная, но на трех нулях далеко не уедешь...

Мы по-прежнему верим в превосходство всех наших гроссмейстеров. В отличном настроении П. Керес, Т. Петросян, Е. Геллер. Еще только присматривается В. Корчной, да и Таль — это Таль! Каковы бы ни были издержки поистине острого старта, а весь турнир еще впереди. То ли еще будет!

Рубико

Юр. ВАНЬЯТ

«...Джентльмены! «Рубикон перейден!»—этими словами президент ФИФА Стенли Роуз закрыл церемонию жеребьевки участников чемпионата мира по футболу.

После того, как в отеле «Каррера» в Сант-Яго в присутствии пятисот гостей был извлечен последний, шестнадцатый шар красного цвета, определился состав всех четырех финальных подгрупп. Напомним их читателям «Огонька»: I. Уругвай, Колумбия, СССР, ФНРЮ (играют в Арике); II. Чили, Швейцария, ФРГ, Италия (встречаются в Сант-Яго); III. Бразилия, Мексика, Испания, ЧССР (будут состязаться в Винья-дель-Мар) и IV. Аргентина, Болгария, Венгрия, Англия («скрестят оружие» в Ранкагуа).

С того памятного январского дня прошло свыше трех месяцев, и крылатая фраза римского полководца, повторенная седовласым Роузом, зазвучала особенно веско в эти решающие весенние дни. Чемпионы мира — бразильцы — уже сдали в исполком федерации заветный приз. 20 мая он прибудет в Сант-Яго, а 17 июня определятся его новые владельцы. Ими снова могут стать бразильские виртуозы мяча, а если «Златая Никэ» достанется «Скуадра аззура» (итальянцам) или «Селестес» (уругвайцам), то она навечно обоснуется в Риме или в Монтевидео: по условиям чемпионата команда какой-либо страны, трижды завоевавшая приз, получает его в свою полную собственность.

Не все команды имеют одинаковый опыт борьбы за «Золотую богиню». Дебютанты финала — болгары и колумбийцы. Второй раз выйдут на старт финального турнира футболисты СССР. Но все же большинство команд уже не раз встречалось на чемпионатах. В третий раз оспаривают первенство чилийцы и испанцы, в четвертый — уругвайцы, аргентинцы и англичане, в пятый — команды Чехословакии, Венгрии, Югославии, Италии, Мексики и Швейцарии и в седьмой — бразильцы.

Естественно, что большинство руководителей команд после жеребьевки постаралось побывать в тех чилийских городах, где будут выступать их питомцы. Они уже арендовали наиболее подходящие отели и пансионы, договорились о товарищеских играх с чилийскими клубами, детально осмотрели стадионы, поля и раздевалки. Так, в частности, поступили опытные З. Хербергер (ФРГ), У. Уинтерботтом (Англия), представители колумбийской федерации и другие. Побывал в Арике и председатель президиума Федерации футбола СССР В. Гранаткин.

Интересно, что в связи с необычно ранним для многих европейских команд началом чемпионата мира в ряде стран пересмотрены календари национальных первенств. Так поступили югославы, венгры, футболисты ФРГ, итальянцы. Позже, чем обычно, начался розыгрыш первенства СССР.

Но вместе с тем сборные команды вышли на стадионы, пожалуй, раньше, чем обычно. Уже в марте участники чемпионата провели серию контрольных международных матчей. Согласно правилам чемпионата, эти матчи должны быть проведены до 30 апреля, то есть за месяц до начала состязаний в Чили.

Характерен повышенный интерес латиноамериканских команд к футболистам Европы. И чемпионы мира, бразильцы, и один из главных претендентов на этот титул, уругвайцы, весной выступили на стадионах Старого света. В частности, «разведчиками» бразильцев у нас явится клуб «Гремио», а уругвайская сборная сыграла в Лужниках 27 апреля.

Приезд южноамериканских команд в СССР легко объяснить. Наши гости озабочены итогами осеннего турне советской сборной по Латинской Америке, когда три сборные команды, участвующие в чемпионате мира, были побеждены «командой Нетто и Яшина». Несмотря на все преимущества, которые давали аргентинцам, чилийцам и уругвайцам привычные климат и условия жизни, пламенная поддержка фанатичных «афисионадос», «торседоров» и «инчас» (так именуют в Южной Америке болельщиков), советские футболисты оказались неуязвимыми, и руководители латиноамериканских команд очень опасаются советских футболистов, равно как английских, венгерских и югославских.

Пока идут последние тренировки шестнадцати сильнейших, в четырех городах Чили заканчивается подготовка к чемпионату. Все четыре поля уже приняты специальной комиссией ФИФА и находятся в хорошем состоянии. Закончено оборудование раздевалок, подготовлены тренировочные поля, реконструированы стадионы. На это потребовалось более 2 миллионов долларов.

Немало хлопот было с распределением билетов. Их не хватило, ибо «Мундиаль» (как чилийцы сокращенно называют чемпионат мира) вызвал огромный интерес не только в Латинской Америке, но и в Европе. Подсчитано, что в Чили прибудет около 30 тысяч туристов, более 1 400 журналистов и радиокомментаторов.

Оргкомитет выпустил абонементы в рассрочку. Цена их весьма высока, если учесть, что среднемесячная зарплата в Чили не достигает и 60 долларов. И вот за десять матчей на «Эстадио насьональ» в Сант-Яго надо уплатить (в зависимости от сектора и трибуны) от 19 до 116 долларов! Таким образом, отсутствие разовых билетов — а абонементы уже все распроданы — лишает рядового труженика возможности посе-

...н перейден!

тить один-два наиболее интересных для него матча и предопределяет состав публики.

Бесплатные пропуска оргкомитет выпустил в таком небольшом количестве, что даже навлек на себя гнев чилийского Олимпийского комитета и Совета спорта, грозивших исключить национальную Федерацию футбола из своих рядов. Каждая команда имеет право всего на 26 бесплатных пропусков. Чтобы обезопасить себя от подделок, оргкомитет чемпионата напечатал билеты и пропуска в типографии Народного банка на специальной бумаге с водяными знаками.

Двадцать тысяч абонементов, оставленных для европейских туристских фирм, тают с каждым днем.

Подсчитано, что все матчи чемпионата смогут посетить около 1 356 тысяч зрителей. Чистый доход от встреч составит 400 тысяч долларов.

Организаторы состязаний делают все, чтобы создать наилучшие условия для участников. Команды будут жить в комфортабельных отелях, тренироваться на лучших базах, пользоваться бассейнами, массажными и своей национальной кухней. Тем не менее бразильцы везут с собой... вагон отечественной минеральной воды, считая, что чилийская минеральная вода невкусна, а итальянцы приезжают со своими поварами и везут несколько ящиков спагетти.

Конечно, европейские команды в Чили встретятся с рядом трудностей, связанных с акклиматизацией. Любопытны выводы врача венгерской сборной Золтана Ботана:

«...Влияние, которое воздушный транспорт оказал на нервную систему игроков, продолжало чувствоваться даже на третий и четвертый день. Это проявлялось не только в повышенной нервозности спортсменов, но и в известной их апатичности. С новым режимом свыкнуться трудно. Они просыпались, когда в Венгрии была ночь, зато, ложась в постель, не могли уснуть. Температура тела игроков упала до 36 градусов и стала нормальной лишь на четвертый день. По показаниям динамометра, сила футболистов уменьшилась на 30—50 процентов. Все это сопровождалось уменьшением частоты пульса и понижением кровяного давления. Эти явления наблюдались и после первой недели пребывания в Южной Америке».

Вот почему большинство европейских команд заблаговременно вылетают в Чили. Наша сборная отправится за океан 17 мая, Чехословакии — 17-го, ФРГ — 18 мая и т. д.

Бесспорно, что качество судейства будет играть исключительно важную роль. Печальной памяти инциденты на чемпионате в Швеции, свидетелями которых мы были в 1958 году на матчах СССР — Англия, ФРГ — Чехословакия, новые случаи грубых ошибок во время отборочных игр нынешнего чемпионата заставили ФИФА особенно скрупулезно подойти к отбору арбитров.

Во Флоренции уже проведен международный семинар футбольных судей тридцати стран. Второй такой семинар состоится перед началом чемпионата в Сант-Яго. Судейская коллегия ФИФА (в которую, в числе семи человек, входит и Н. Латышев) представила, а исполком Федерации утвердил состав судейских бригад в Чили. К судейству допущен 31 арбитр. (В частности, матч СССР — Югославия будет судить арбитр из ФРГ Душ.)

Словом, все готово к началу захватывающих поединков — и не только судьи, но и кинокомпании. Монопольное право на киносъемку чилийских баталий приобрела аргентинская компания «План публиситад». «Евровидение» вело переговоры с этой компанией о передаче фрагментов съемок. Пленку будут переправлять в Европу на специально зафрахтованных сверхскоростных самолетах. Что касается близлежащих стран, то Аргентина, Бразилия, Уругвай, Перу, Колумбия, Мексика и Венесуэла уже договорились с Чили о телевизионных передачах, посвященных чемпионату.

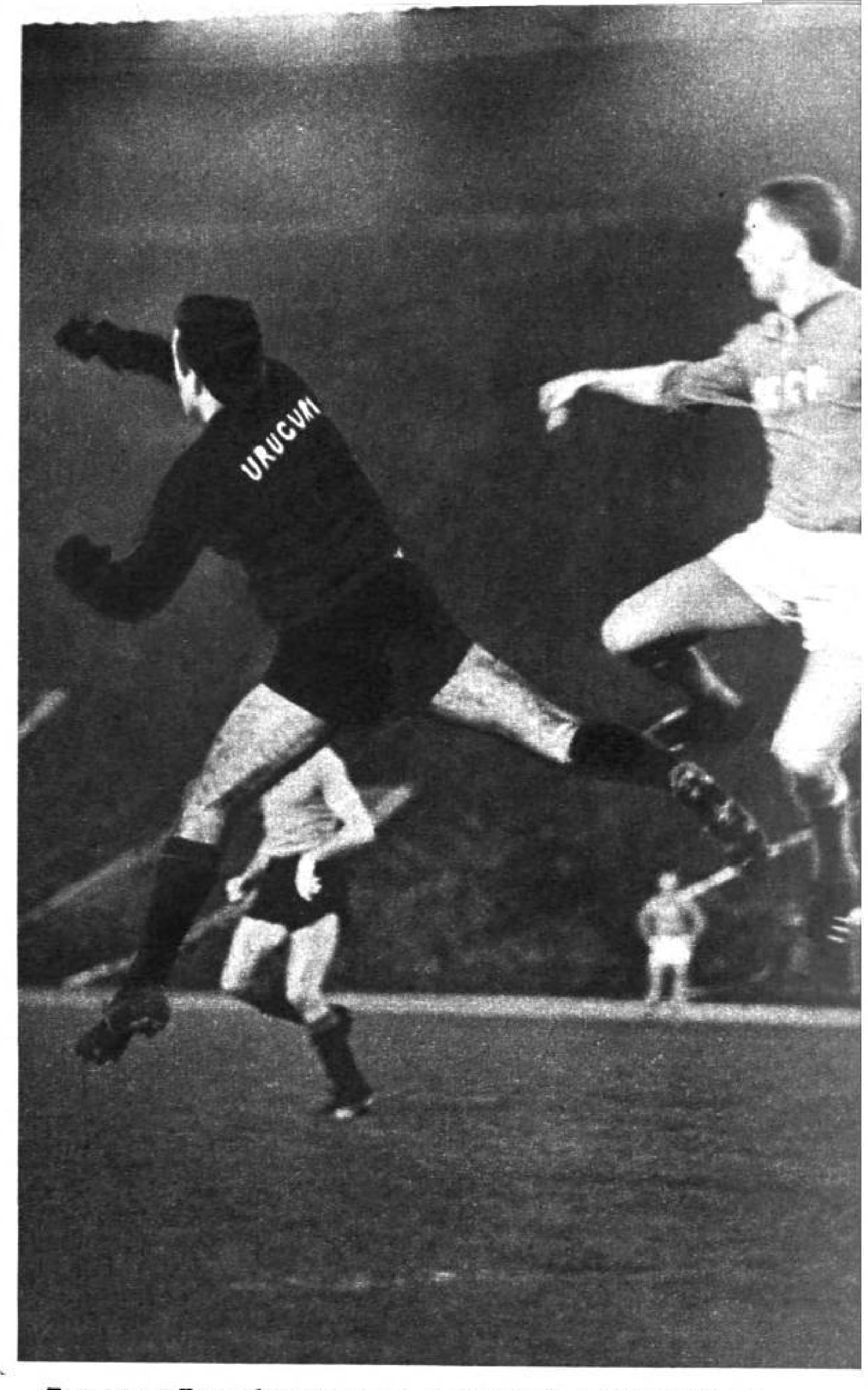
И в заключение несколько слов об Арике, городе, где советская команда проведет три (а может быть, и больше) игры. Город этот чилийцы называют «Сердцем соленой пустыни», «Городом ветров», «Цветком, расцветшим в пустыне» и, наконец, «Раскаленным котлом».

Эпитеты эти достаточно красноречиво говорят сами за себя.

Арика — город на берегу Тихого океана, на севере страны, почти на самой границе с Перу. От Сант-Яго до Арики — 2 100 километров. Климат здесь действительно достаточно суровый, хотя Арика расположена к югу от экватора на сравнительно небольшом расстоянии. Сильные ветры с господствующим направлением норд-зюйд обусловливаются близлежащей обширной пустыней Атакама. Осадков немного, в основном они выпадают за счет «каманчакос» — густых туманов.

Близ пляжа «Ля Лисеро» на берегу океана стоит отель «Арика» — крупнейший в городе. Именно здесь в дни чемпионата и будут жить наши футболисты. Игры пройдут на новом стадионе, вмещающем всего 24 тысячи зрителей.

...Итак, последние приготовления к матчам сильнейших футболистов мира заканчиваются. 22 мая каждая страна — участник финала обязана сдать в ФИФА список 22 футболистов — тех, кто вступит в борьбу за «Золотую богиню».

По дороге в Чили сборная команда СССР провела один из самых ответственных матчей — со сборной командой Уругвая. Эта встреча, состоявшаяся 27 апреля в Москве на стадионе имени В. И. Ленина, вызвала большой интерес во всем спортивном мире, а результат игры — 5 : 0 в пользу советских футболистов заставил задуматься самых искушенных знатоков футбола. Каков будет исход новой встречи двух сборных, на сей раз в Арике?

На снимке: острый момент у ворот Уругвая.

Фото А. Бочинина.

ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ

Когда над Сант-Яго поднимется флаг мирового первенства по футболу, отзвучат слова приветствий и президент Республики Чили объявит чемпионат мира открытым, на футбольное поле выйдет студент из Югославии и сделает первый удар по мячу. Это право почетный гость чемпионата Гедомир Самарджиев получил не совсем обычным образом.

Однажды пятнадцатилетний школьник услышал по радио, что в 1962 году в Чили будет разыгрываться первенство мира по футболу. Он тут же послал телеграмму Всемирной федерации футбола с просьбой оставить ему два билета на матч Чили — Югославия. С тех пор прошло 10 лет. И вот недавно посол Чили в Белграде сообщил верному болельщику югославской команды, что ему будет предоставлена возможность бесплатно совершить поездку в Чили и что он будет присутствовать на чемпионате в качестве почетного гостя.

В адрес Гедомира посыпался целый дождь писем со всего света. Чего только не предлагают ему: руку и сердце и участие в коммерческих делах.

Гедомир Самарджиев сможет отправиться в Чили не один — он получил почетное приглашение и бесплатные билеты на два лица.

Винко САЛЕ, журналист.

Белград.

Если бурный прогресс авиации способствовал развитию авиамодельного спорта, то успешные полеты советского человека в космическое пространство послужили толчком для рождения нового вида технического творчества — ракетного моделизма.

...У маленькой пусковой установки идут приготовления четырех ракет к запуску. Вот их укрепили к вертикальным металлическим штырям, к двигателям подключили ток.

— Внимание!

Стартовая площадка опустела. На пульте управления ждут новой команды.

— Старт!

Нажимается кнопка. Ток включен. С шумом и свистом из сопла вырывается пламя. Какое-то мгновение ракета стоит на месте, а затем стремительно летит вверх. Не только глаз, но и фотоаппараты с трудом фиксируют ее бешеный взлет. Оставляя узкую полоску дыма, ракеты одна за другой через четыре — шесть секунд достигают трехсотметровой высоты. В самой верхней точке, когда ракета после остановки двигателя, пролетев по инерции еще несколько десятков метров, должна изменить свою траекторию, над ней вспыхивает купол парашюта...

Зрители — а на этом запуске ракет их много — побежали к месту приземления. После каждой удачи юных зрителей — сверстников конструкторов ракет, охватывает бурное ликование. Кто-то из взрослых сказал: «Хорошо штурмуют небо мальчишки». И это действительно так.

Сто семьдесят юных ракетостроителей были участниками первых московских областных соревнований на приз имени Ю. А. Гагарина.

Наверное, нет школьника, который не мечтал бы о полете в космос, о строительстве мощных ракет. А пока многие из них начали заниматься в кружках юных техников, в клубах юных космонавтов, где строят и запускают миниатюрные ракеты.

Ракеты, которые мы видели на первых соревнованиях на станции Силикатная, пока еще длиной не более 30 — 50 сантиметров. А двигатель у них стандартный — заряд весом в 25 граммов. Но летают они тоже хорошо.

Модель, построенную учеником 8-го класса Щелковской школы Московской области Александром Касьяном, с момента взлета и до приземления на парашюте наблюдали в воздухе 1 минуту 52,8 секунды.

Успешно стартовали модели ракет команды станции юных техников в поселке Чкаловская (руководитель — бывший летчик-испытатель М. Субботин). Эта команда стала обладателем переходящего приза имени Ю. А. Гагарина.

Ребята делают двухступенчатые ракеты, модели ракетопланов. Творческая мысль юных конструкторов работает и над тем, чтобы создать ракету, которая спускалась бы на землю с помощью несущих роторов.

Ракетный моделизм стал массовым спортом, и ДОСААФ должен сейчас поддержать молодых спортсменов, будущих строителей настоящих космических кораблей, летчиков-космонавтов.

С. КУДРЯВЦЕВ,
судья республиканской категории

Команда юных ракетчиков школы-интерната в Кашире. →

← Старт!

Фото Т. Мельника.

МАЛЬЧИШК

И ШТУРМУЮТ НЕБО

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ПИСЕМ ДРУЗЕЙ

О. КНОРРИНГ

Письма Николаю Ивановичу Васильеву все идут и идут. Число их уже стало выражаться пятизначной цифрой. Десять тысяч писем. Представьте себе зрительно, что это такое. Если их сложить по два в ряд и вытянуть в одну линию, длина ее будет равна пятистам метрам. Как раз те злополучные «пятьсот метров», которые отделяли его от жизни.

* * *

Его сейчас не узнать. Пополнел, на щеках румянец.

— Смотрите, что со мной врачи сделали. Помните, какой я был дома? Мог только лежать. А теперь, видите, сижу. Часа по полтора сижу. И руки двигаются свободнее. Привезли сюда совершенно беспомощного, а сейчас научился орудовать и ложкой и вилкой. Мой лечащий врач Владислав Павлович Кессель говорит, что будет пробовать ставить меня на ноги. Возможно, буду даже немного ходить. С костылями, конечно, но все же ходить... Понимаете, хо-о-дить!

Вновь я у Николая Ивановича Васильева. Но уже не в Калининградской области, а в Пятигорске, где он находится на излечении. Застал его во дворе клиники, в кресле-коляске.

— Я ведь хорошо понимаю,— щурясь от лучей весеннего солнца, говорит он,— как трудно ухаживать за мной. А здесь всегда приветливы, всегда с улыбкой. Здесь я снова поверил в людей. Кабы вы знали, сколько друзей у меня появилось за это время! Только вот меня-то лечат, а другүх? Знаете, сколько писем я получил от таких же больных, как я? Просят у меня совета. А что я могу им посоветовать в моем положении? Как вы думаете, что бы можно было сделать для них?

* * *

Главный врач клиники Василий Михайлович Духовской ходил взад и вперед по кабинету и, волнуясь, говорил:

— Ну что я могу поделать, я же не бог. Ну хорошо, мы приняли одного, другого, третьего. Но ведь у нас в отделении всего тридцать пять мест. Куда же я могу их принять? Каждый день приезжают все новые и новые. Вчера привезли парня. Спасал утопающего в полынье мальчика, простудился, ангина, осложнение и в результате полиартрит. Хорошо, что случайно освободилась койка, устроил. А сегодня привезли больного шахтера из Караганды. А мне его класть некуда. Каждый день сотни писем. Все просятся на лечение к нам. Приходится отказывать. Легко сказать, отказывать. Это же несчастные люди, мученики. Ну посоветуйте: что нам сейчас делать?

Положение в самом деле сложилось тяжелое. После сообщения в «Огоньке» о том, что Н. И. Васильев приглашен лечиться в Пятигорск, клинику буквально засыпали письмами с просьбой принять на лечение.

Инфекционный неспецифический полиартрит до сих пор почему-то принято считать болезнью, не требующей принятия чрезвычайных мер. Так ли это? Видимо, нет. Эта страшная болезнь в два-три года превращает человека в инвалида. Если ее запустить, вскоре наступает неподвижность суставов, полная окостенелость.

Количество больных, особенно после войны, резко возросло. Сколько их? Сказать трудно, нет специального учета. Плохо поставлена диагностика. Больные пишут, что почти всех их вначале лечили от ревматизма и костного туберкулеза. Большинство из них лежало в гипсе, что для больных полиартритом крайне вредно. Им нужен не покой, а движение, массаж и лечебная физкультура. Даже поставив правильный диагноз, врачи часто не знают методов лечения, не имеют медикаментов и условий для массажа и лечебной гимнастики.

До сих пор не разработан общегосударственный комплекс мероприятий по борьбе с полиартритом. Опыт научно-исследовательских и лечебных заведений, занимающихся изучением этой болезни, не обобщен. Поэтому нет и единых методов лечения. Большинство больных находится дома или в районных больницах, где не всегда есть врачи, знакомые с этой болезнью. Нам думается, Министерству здравоохранения необходимо срочно издать большим тиражом брошюру о диагностике и лечении полиартрита, рассчитанную на врачей. Такая брошюра должна быть в каждой амбулатории и больнице. Важно захватить болезнь вначале, а не приступать к лечению тогда, когда человек уже стал полным инвалидом.

Больных много. Естественно, сейчас пока трудно обеспечить всех комплексным лечением: курортом, физиотерапией, медикаментами,— хотя только такой метод дает лучшие результаты. Видимо, надо пока искать хотя бы временный выход из положения. Полиартрит — болезнь затяжная, трудно поддающаяся лечению. Поэтому некоторые больницы стараются не задерживать у себя таких «хроников», требующих к тому же очень большого ухода. Лечение до конца не доводится, и болезнь прогрессирует.

Но неужели же не найдутся среди врачей люди с добрым сердцем, подобные Василию Михайловичу Духовскому и Владиславу Павловичу Кесселю из Пятигорска, Анне Алексеевне Анциферовой из Фрязина, пригласивших к себе на лечение Н. И. Васильева? Конечно, найдутся, и не один и не два, а, как показала история того же Васильева, тысячи. И если каждая больница всерьез займется одним-двумя такими больными, это уже будет какое-то разрешение вопроса.

Было бы правильным теперь же увеличить количество мест для больных полиартритом в Пятигорской клинике, хотя бы временно за счет терапевтического отделения. В связи с этим следует вообще поговорить о пятигорском курорте.

В рекламном проспекте говорится: «Пятигорск занимает первое место по богатству и высокой бальнеологической ценности своих минеральных источников».

В Пятигорске сорок один минеральный источник с огромным запасом воды. Здесь есть теплый и холодный нарзан, радоновые и углекисло-сероводородные воды, ессентуки и много других. Короче говоря, все типы вод, которыми располагают Кисловодск, Цхалтубо, Мацеста, Серноводск, Ессентуки и даже всемирно известный курорт Карловы Вары. Все это имеется в Пятигорске. На всем земном шаре нет такой концентрации различных минеральных источников на малой площади.

Как же используются все эти богатства природы? Оказывается, очень и очень плохо. Ежедневно полмиллиона литров целебной воды сбрасывается в реку неиспользованной. Это только из действующих источников. А сколько их вообще еще не используется!

В прошлом году курорт посетили 75 000 человек. А запасов воды уже сейчас хватило бы еще на столько же. Почему-то курорт до сих пор совершенно не развивается. После Сочи и Кисловодска кажется, что здесь сейчас не 1962 год, а еще только 1925-й.

Начальник территориального управления курортами профсоюза Лариса Севастьяновна Добровольская рассказывает:

— Большинство больных вынуждены жить на квартирах, арендуемых для них курортом у частников. Зачастую эти квартиры не соответствуют санитарным требованиям. Но люди едут, и другого выхода пока нет.

А действительно, неужели нет выхода? Конечно, есть. И его хорошо все знают. Нужно строить жилые помещения.

Легко сказать — строить. А где взять деньги? Вот тут-то и выплывает любопытная деталь. Оказывается, одно местное управление курортов ВЦСПС выплатило частникам за арендуемые комнаты только за прошлый год полтора миллиона рублей новыми деньгами. Это не считая больных, приезжающих неорганизованным путем. Проектная же стоимость строительства нового пансионата на 200—250 мест составляет примерно 200 000 рублей. Таким образом, выходит, что на деньги, выплаченные домохозяевам за один год, можно было построить семь пансионатов на 1 500—1 600 мест и обслужить ими 18—20 тысяч человек в год.

Дальнейшее развитие курорта, видимо, должно идти по линии строительства пансионатов гостиничного типа. А существующие санатории следует целиком использовать только для тяжелобольных. Все ходячие больные вполне могут жить в пансионатах и лечиться в общекурортном лечебном центре — поликлинике.

Создание крупного лечебного центра дает возможность иметь на курорте высококвалифицированных специалистов по всем видам заболеваний.

* * *

Настало время поставить перед Министерством здравоохранения и ВЦСПС вопрос о создании по всему Союзу сети специализированных лечебниц и курортов, где можно было бы сосредоточить лечение полиартрита.

Нужно точно определить, какие из курортов в состоянии излечивать это заболевание, и только сюда направлять больных полиартритом.

Срок пребывания в санатории для этой категории больных явно недостаточен. Его необходимо удлинить до 2—3 месяцев. Опыт показал, что более короткое пребывание на лечении не дает положительных результатов.

Сейчас путевки на курорты и в санатории распределяют профсоюзы. Однако зачастую на предприятии, получившем путевку, таких больных нет, и путевка используется не по назначению. В то же время больной, действительно нуждающийся в подобном лечении, не может ее получить. На наш взгляд, распределять такие путевки должны не профсоюзы, а органы здравоохранения, на учете у которых состоят больные полиартритом.

* * *

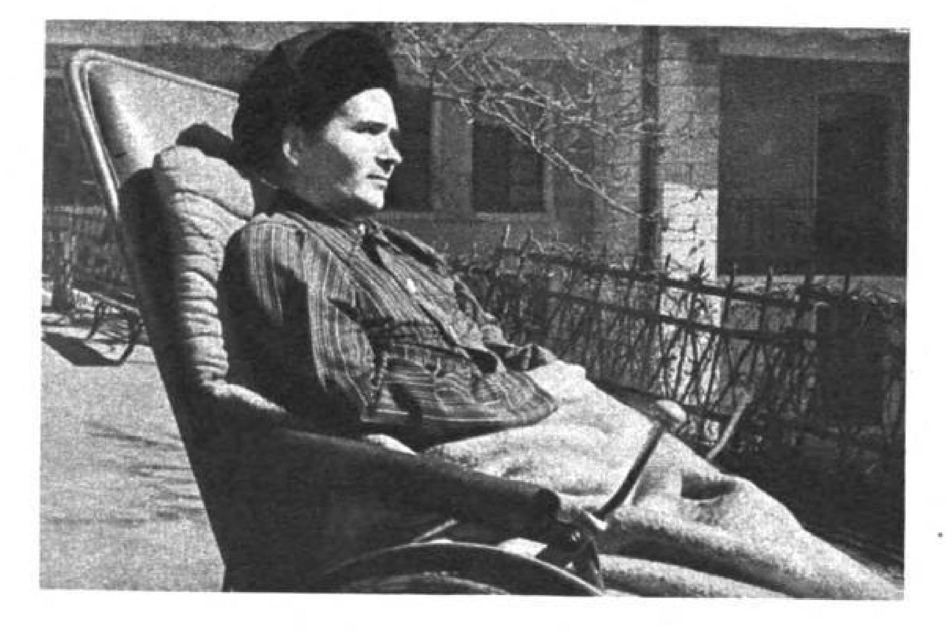
...А письма Васильеву все продолжают идти. Мать пишет из дому, что в его адрес получено много посылок с подарками со всех концов Союза. Он сейчас окружен вниманием тысяч отзывчивых людей.

— Но ведь не один же я такой,— говорит он.— Ведь и другие имеют такое же право на внимание к себе.

К сожалению, подобных ему у нас еще много. О Николае Ивановиче узнали лишь потому, что о нем было напечатано в «Огоньке». Но ведь нельзя же ждать, когда тебе кто-то подскажет, кому помочь, на кого обратить внимание. Ведь если вспомнить, почти все окружавшие Васильева люди, когда им рассказывали, в каком положении находится Николай Иванович, что ему нужна помощь, задавали один и тот же вопрос: «А почему же нам раньше ничего не сказали?» Не сказали!..

А подумать самим?..

В письмах в редакцию многие комсомольские и пионерские организации предлагают взять шефство над Васильевым. Это очень похвально. Но, дорогие друзья, право, было бы полезнее, если бы вы нашли у себя «своего Васильева» и шефствовали над ним. Ведь как хороши ни были бы наши медицинские учреждения, какую бы помощь больные ни получали от врачей, этого мало. Человеку, кроме медицинской помощи, еще нужны дружеское внимание и поддержка окружающих. Нужно неустанно заботиться о своих друзьях, товарищах и братьях, попавших в беду. Этому учит нас Программа нашей великой партии.

Н. Васильев в Пятигорске.

В ТАКОМ РАЗРЕЗЕ...

Ян ПОЛИЩУК

В отделе происшествий вечерней газеты появилось сообщение: «В магазине № 3 загорелись электрические провода. Возник пожар. Сохранив присутствие духа, продавец Калюжный вынес на руках из объятого пламенем торгового учреждения железный сейф. Подоспевшим пожарным он ответил скромно и многозначительно: «Главное — не забывать главного».

Редактор торговой газеты, прочитав эту заметку, встрепенулся:

— Немедленно создать очерк. Эпический. Зовущий. Человек, спасающий сейф, не может не выполнять план. Отобразить, как он борется за переходящий вымпел и снижение количества жалоб трудящихся...

Очеркист размышлял недолго. Раз надо, так надо... Через день очерк был напечатан. Эпический. Зовущий. Бегло отобразив подвиг Калюжного в первом абзаце, автор переходил к самому существенному.

«...А посмотрели бы вы на Калюжного в тот момент, когда он разделывает рыбокопчености! Прилавок сияет, нож наточен, движения быстры, он прекрасен!.. Уверенной поступью идет Калюжный навстречу покупателю. Эта уверенность помогла ему вынести сравнительно легко тяжелый сейф. «Главное — не забывать главного!» — не устает повторять Калюжный своим товарищам по торговой точке. И все знают, что он имеет в виду выполнение плана райпищеторгом на 122,6 процента».

Восторженный корреспондент пионерской газеты не пожалел восклицательных знаков для описания героя дня:

«Ребята! А знаете, почему дяде Калюжному удалось вынести из огня железный сейф? Хотите, открою вам тайну?.. Все дело в том, что дядя Калюжный в детстве собирал железный лом! Вот как! И вот от старой дверной ручки до сломанной раскладушки — от ступени к ступени шел дядя Калюжный к победе! Так дадим, ребята, обязательство принести до 31 числа на приемный пункт «Вторчермета» 385 килограммов дверных ручек, раскладушек и железных сейфов! Вот что главное, ребята!»

Глава литературного органа заволновался:

— Ну вот, опять проморгали! Где наша связь с жизнью? Где вторжение? Снова в долгу у читателя... Послушайте, а нельзя что-нибудь изобразить в нашем разрезе?.. Может, этот Калюжный в свободное от рыбокопченостей время сочиняет стишки, а? Уж больно это похоже на рифму: «Главное — не забывать главного!»... Пошлите товарища из редколлегии. Пусть отредактирует и даст на третью полосу. Ну, хотя бы под рубрикой «В щедрый путь!».

В очередном номере за подписью Калюжного появилась поэма. Особенно чувствительно выглядела ее концовка:

Лосось сияет, точно медь,—
Работник торга я-то ведь,
Я не гонюсь за рифмой плавной:
Не это — главное из главных...

Спортивная газета сжимала кулаки. Чуть ли не все обошли ее на дистанции!.. Сейф! Да еще, наверное, набитый дневной выручкой!.. Тут явно пахнет рекордом. Скорей, скорей надо поведать зазнавшимся мастерам спорта о пользе утренней зарядки и систематической тренировки по поднятию сейфов в каждой семье, в каждом учреждении и на каждом предприятии!

Позже всех откликнулась многотиражная газета добровольного общества пожарных. Она опубликовала приказ начальника городской дружины:

«В магазине № 3 имело место загорание электропроводов. За допущение халатности на означенном объекте дежурному члену добровольной дружины объявить выговор. Упомянутый дежурный т. Калюжный вместо тушения матчасти пункта загорания занимался вынесением неогнеопасных предметов, как-то: сейфов и проч.»

Вот в таком разрезе.

Без перемен

Иштван САБО

— Здравствуйте, дядюшка! С приездом! Что у вас новенького? Давненько я не был дома, сами понимаете, город, беготня...

— Да ничего особенного. Деревня как деревня. Что у нас может измениться...

— А ваш Янко? Как поживает? Хорошо?

— Кто сейчас хорошо поживает? Работы по горло, вздохнуть некогда...

— Дома работает по хозяйству?

— Какое там! Окончил этот... как его... институт, сейчас агроном в кооперативе. У Палё.

— У какого Палё?

— А у сына пастуха. Он у нас сейчас председателем...

— Ну, а ваша старуха?

— Что ей делается? Поросят выкармливает. Сам знаешь, какая она. Две медали получила. Больше, чем я, чтоб ей здоровой быть!

— Марта Данишова замуж вышла?

— Ну, эта стала учительницей. Трое детей, муж тоже из нашей деревни, Петр Звоников, он в институте деканом или как их там называют...

— А Ондрик Чвикотов?

— Да ничего. Его недавно наградили. Орден Труда дали за работу на фабрике...

— А старый Онаруш? Жив еще?

— Что ему сделается! Сидит у телевизора да с невесткой ссорится.

— Ссорится?

— Ага. У них ковры по всем полам, а он на пол пепел сбрасывает... Да ты их невестку знаешь, небось. Аничка Млинарикова...

— Значит, Мишко Аничку взял?

— Давно. Сам он зоотехник, а она счетовод.

— А скажите, дядюшка, что Штефан Сампоров поделывает?

— Штефан? Возит нас в город на автобусе.

— Как?

— Да так. Шесть раз в день туда-обратно. И жена у него с образованием.

— В городе?

— Зачем в городе? У нас в деревне! Как раз вчера делала доклад в Доме культуры.

— В городе?

— В каком еще городе! У нас... Знаешь, сынок, ты меня не задерживай, мне еще надо за машиной забежать.

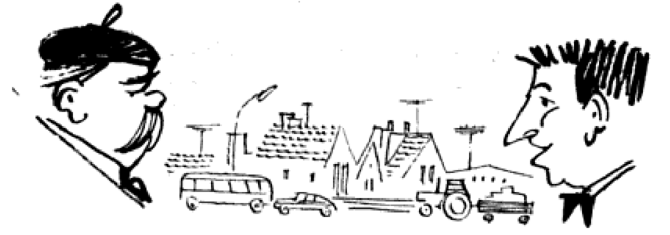
— За какой машиной?

— «Волгу» хотели. Да разве пойдут навстречу! Дают «Спартака». Ничего не поделаешь... Может, пойдешь со мной, поможешь цвет выбрать?

— Вот вы, значит, как теперь живете...

— А все так же, говорю тебе, все по-прежнему, новостей никаких. Деревня как деревня.

Со словацкого перевела
Вера ПЕТРОВА.

СПОР

Иоанна ВИЛИНСЬКА

— Попрошу предъявить билеты...— сказал кондуктор.

Пассажир у окна как бы не расслышал этих слов. Кондуктор пробил наши билеты и обратился к пассажиру:

— А у вас сезонный билет? Попрошу...

— Не дам,— мягко произнес пассажир.

— Как это? — удивился кондуктор.— Пассажиры обязаны предъявлять льготные сезонные билеты...

— Выходит, вы мне не доверяете, товарищ кондуктор? — сказал пассажир с «сезонкой».

— Почему мне вам не доверять? Я вас даже не знаю.

Пассажир теперь обратился ко всем нам:

— Граждане, прошу вас, послушайте! Он меня не знает, а уже не доверяет. А, скажем, великий педагог Макаренко, так тот прямо указывает на воспитательное значение доверия. Вот тебе деньги, говорит Макаренко, поди и купи того-то и того-то... Говорит так преступнику! А вы, товарищ кондуктор, мне, наверное, тех нескольких монет не дали бы, потому что не доверяете...

Кондуктор покраснел.

— А почему бы мне их вам не дать?..

Но пассажир уже не обращал внимания на кондуктора.

— Окажешь человеку доверие,— ораторствовал он,— и сам становишься лучше, благородней. А не окажешь, так тот, поди, стекла побьет. Вы скажите мне: откуда берутся хулиганы? От недоверия. Ведь сызмальства все слышим: «Покажи руки. Ты умывался?» — говорит мать. «Пусть твои родители распишутся»,— говорит учитель. «А ну-ка, дыхни!» — кричит жена.

— Вот именно, дыхни! Дыхни! — сочувственно поддакнул кондуктор.

— И так во всем,— продолжал пассажир. — «Дайте справку», «пусть вам поставят печать», «пошел проверить». Вот это и есть недоверие... И вы, товарищ...— Теперь пассажир снова обернулся к кондуктору.— И вы, товарищ, тоже так. Не знаете меня — и сразу: «Предъявите сезонный билет!»

— Да чего там...— сконфуженно пробормотал кондуктор.

И ушел.

Я потом сказала пассажиру:

— Ваша дискуссия с кондуктором произвела на меня сильное впечатление. Но должна со стыдом признаться, я не стала бы так долго утруждать себя. Предъявила бы ему билет — и делу конец...

— Пхе!..— сказал пассажир.— Если бы он у меня был!..

Перевел с польского
А. МАРИИНСКИЙ.

Маленькие рассказы

Н. КАЛЬМА

ИСПУГ

По осеннему лесу шли женщина и мальчик. Женщина была смуглая, черноволосая, решительная в манерах. Мальчик был очень похож на нее. Внезапно из чащи выскочила темная, почти черная лосиха. Рядом с ней бежал безрогий тонконогий лосенок.

Увидев друг друга, обе пары застыли. Женщина и лосиха встретились глазами. Мальчик и лосенок с восторгом переглянулись.

Женщина вздрогнула и крикнула: «Андрюша, ко мне!»

Она схватила мальчика за руку и отступила.

Самка лося от неожиданного крика тоже вздрогнула и скакнула в сторону. За нею, высоко задирая ноги, отпрыгнул и лосенок.

Женщина, добежав до опушки, сказала мужу:

— Понимаешь, ведь она могла наброситься на нас, чтобы защитить своего детеныша!

— Ты совершенно права,— тотчас же согласился муж.

А лосиха с лосенком набрели в чаще на старого лося-отца. Темносерый самец точил зубами молоденькую осинку. Лосиха тоже пожевала кисленькую кору, потерлась о дерево и по-своему рассказала мужу про женщину с мальчиком.

— Мы убежали,— сказала она.— Ты понимаешь, она была с детенышем и могла наброситься на нас.

Лось-отец громко фыркнул, но тоже не решился возразить жене.

ОДНА НОЧЬ

В большом ящике жили кролики — муж и жена. Жену звали Лизой. Два торчащих передних зуба придавали Лизе ехидный и жеманный вид. Она была нетерпеливая, сердитая и часто без причины топала ногами. Ее муж Вася поражал всех самодовольством и спесью. Казалось, он просто раздувается от важности. Очень крупный, серебряно-пушистый, он беспрестанно охорашивался и равнодушно смотрел на весь мир. Когда Лиза начинала беситься, он не обращал на нее никакого внимания.

Лиза должна была родить. У нее появились капризы: то хотелось щавеля, то соленого огурчика. Когда ей давали что-нибудь особенно вкусное, все съедал Вася.

Крольчиха родила ночью. Когда утром люди заглянули в ящик, они не узнали Васю. От его пушистой одежды, от его важности не осталось и следа. В углу, зарывшись в сено, дрожал голый, жалкий самец. Весь его пух Лиза ночью выщипала на гнездо для маленьких. Видно было, что Васе мучительно неприятно, что он хочет поглубже зарыться в сено. Он боялся насмешек. А люди и правда смеялись. Даже немножко торжествовали. Ведь всем приятно, когда с кого-нибудь сбивают спесь. Пусть даже это только кролик.

ОЖИДАНИЕ

Я просыпаюсь от ощущения, что кто-то смотрит на меня. Это собака. У нее лоснящаяся шерсть, сильные и кривые рыжие лапы и хитрые женские глаза с очень яркими белками. Она стучит по полу хвостом и всем своим видом показывает, что пора вставать. Собака знает, что сейчас получит булку и кусок сахара, намоченный в чае. Твердый сахар собака не ест: бережет зубы.

— Подожди,— говорю я.— Ты не первый человек в доме. Раньше надо накормить старших.

Собака пожимает плечами.

— Я и так жду. Но сколько же можно? — говорят ее глаза.

После еды собака топчется в прихожей и ждет, что я поведу ее на улицу. Она напряженно следит за всяким моим движением. Ее уши, ее хвост, ее глаза — сплошное ожидание.

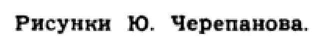
Мы выходим. Собака стремительно мчится по лестнице, за нею я, теряя на бегу перчатки и шапку. И всем ясно, что именно собака вывела меня гулять.

Когда мы наконец возвращаемся домой, собака лезет под шкаф и приносит мячик. И опять у нее ждущие, полные надежды глаза: может, поиграем? Очень больно отказывать таким глазам.

Но вот я сажусь за письменный стол, и собака уходит в угол. Она ложится там, изредка глубоко вздыхает и поглядывает на меня, как мне кажется, иронически.

Теперь она уже ничего не ждет от меня.

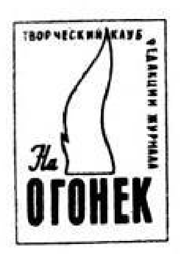

Рисунки Ю. Черепанова.

А. Менакер и М. Миронова.

Мелодия старинного романса сменяется стремительной цыганской пляской. Звучат народные песни. Это в творческом клубе «На Огонек» побывали артисты эстрады Раиса и Михаил Жемчужные.

С сатирическими сценками выступили заслуженная артистка республики Мария Миронова и артист Александр Менакер.

М. и Р. Жемчужные.

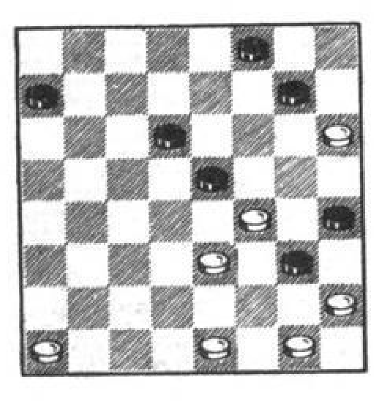

ШАШКИ

под редакцией мастера Г. Я. Торчинского

КОНЦОВКА

В. Кочаров (Советская Армия)

Белые начинают и выигрывают.

Решение концовки М. Галкина, помещенной в № 16.

1. g3 — f4! g5 : e3 2. h4 — g5!! f6 : h4 (если 2. ... d6 : d2, то 3. g5—h6 e3 : c5 4. h6 : e1 и выигрывают) 3. c3 — в4! a5 : e5 4. f2 : a5 d6 : в4 5. a5 : h8 и выигрывают.

ОШИБКА

Басня

Миртич КОРЮН

Шел по дороге
Крестьянин-старик,
Всадник его
Сановитый настиг.
Чтобы блеснуть
Остротой языка
И побольней
Уколоть старика:
«Ах, я ошибся,—
Сказал он со зла,—
Издали принял
Тебя за осла!»

«Что же, порой
Ошибается всяк,—
Молвил спокойно
Вельможе бедняк.—
Я вас, к примеру,
За сотню шагов
За человека
Принять был готов».

Перевела с армянского
Т. СПЕНДИАРОВА.

Почему мы так говорим

Благовоние. Аромат. Парфюмерия.

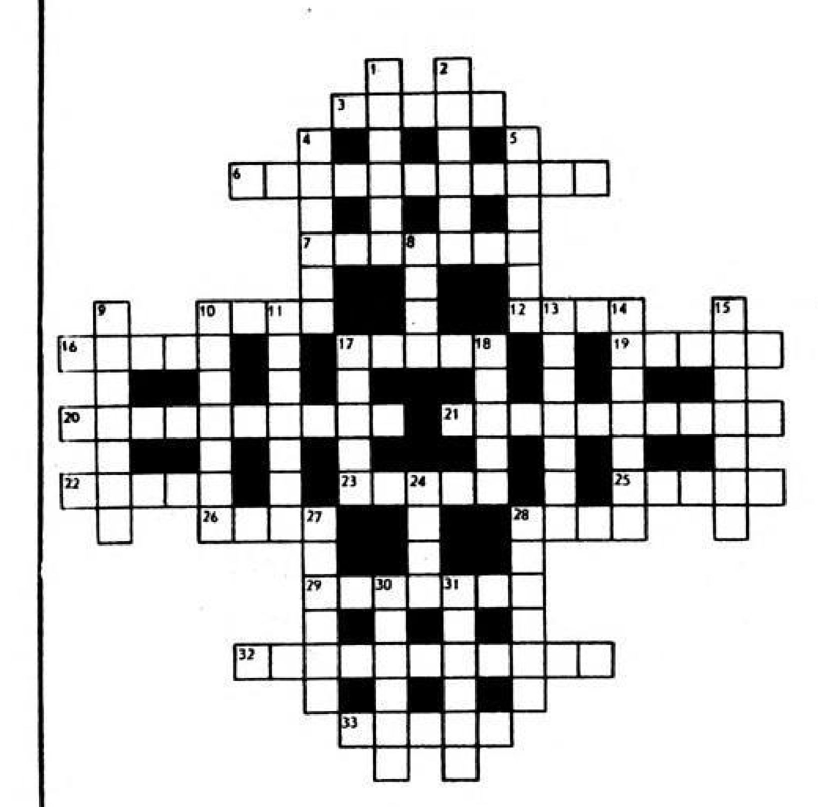
Древнее «воня», известное по рукописям уже в XI веке, означало когда-то просто «запах». Вот почему наряду с «зловонием» было и слово «благовоние». Было и слово «смрад», откуда наше «смородина» — название ягоды с сильным запахом.

В XI веке было заимствовано с греческого и слово «аромат». Прежде в Греции «арома» были коренья (в самом деле, коренья отличаются душистостью), но потом, уже в греческом, «арома» стало значить «пряности».

В древности благоуханиям придавали особое значение. Они как бы были священными. Задолго до христианства воскуривали благовония перед богами. Воскурениям мы обязаны и слову «парфюмерия».

Французский писатель Франсуа Рабле (XVI век), автор «Гаргантюа и Пантагрюэля», впервые употребил в литературном языке много слов, вошедших во французский язык, а позже перешедших и в другие языки. Он широко пользовался классическими — древнегреческим и латинским, а также современными ему западноевропейскими языками и смело образовывал новые слова. Он «автор» таких слов, как «энциклопедия», «доминировать» (от латинского «доминус» — «господин», следовательно, доминировать — господствовать), «экзотический», «корректный», и других. В числе этих новых слов было и «парфюм», образованное из латинских «пер» (через, сквозь) и «фумум» (дым), то есть «парфюм», «парфюмерия» первоначально точно означало вдыхаемое «через дым» воскурение.

И. УРАЗОВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Опера Б. Мокроусова. 6. Небольшие щипцы. 7. Аппарат для получения копий текста, чертежей. 10. Мера взаимодействия тел. 12. Белорусский поэт. 16. Птица. 17. Отверстие в улье. 19. Цветочный горшок. 20. Наконечник на пожарном рукаве. 21. Народоведение. 22. Часть оборудования кинотеатра. 23. Помещение для хранения зерна. 25. Автор сказки «Конек-Горбунок». 26. Химический элемент. 28. Яма на дне реки. 29. Расширение на конце трубы. 32. Краевой центр в РСФСР. 33. Первое выступление артиста.

По вертикали:

1. Насыпь для защиты сооружения. 2. Мясное блюдо. 4. Работница животноводческой фермы. 5. Полный круг вращения. 8. Низкий женский голос. 9. Промышленное предприятие. 10. Рыба. 11. Река в Африке. 13. Слово с противоположным другому слову значением. 14. Музыкальный ансамбль. 15. Огородное растение. 17. Порода собак. 18. Небольшое судно. 24. Стержень с винтовой нарезкой. 27. Голубь. 28. Путь небесного тела. 30. Вязаная фуфайка. 31. Изобретатель спиртового термометра.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 19

По горизонтали:

5. «Спартак». 7. Гиацинт. 8. Монахова. 10. Эрудиция. 11. Удочка. 12. Земля. 14. Сплав. 16. Птичница. 17. Константиновка. 20. Справедливость. 23. Институт. 24. Ленто. 26. Шахта. 27. Свайка. 29. Воронько. 30. Астангов. 31. Мотовоз. 32. Афганец.

По вертикали:

1. Оппонент. 2. Стихия. 3. Пандус. 4. Антитавр. 6. Киву. 7. «Гора». 9. Адмиралтейство. 10. Эквилибристика. 13. Линотипист. 15. Панкратова. 18. Сова. 19. Осло. 21. Светофор. 22. Бетховен. 25. Основа. 26. Штанга. 27. Сказ. 28. Асва.

На первой странице обложки: С материнской нежностью утешает больную девочку сестра детского отделения 1-й городской больницы в Севастополе Галина Меркурьева (см. в номере репортаж «Сестры»).

Фото Д. Ухтомского.

На последней странице обложки: Банковский рыбокомбинат на Куре. Старый рыбак Паша Гамидов доволен: белуга отменная, вес — 175 килограммов.

Фото Я. Рюмкина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление Е. Казакова.**

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33. Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00079. Подписано к печати 9/V 1962 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 556. Заказ 1311.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул., «Правды», 24.

ТМО ПАРИ

ТЕАТР МИНИАТЮР «ОГОНЬКА»

В РОЛЯХ:
Председатель приемной комиссии — заслуженный артист РСФСР М. М. НАЗВАНОВ.
Мать абитуриента — народная артистка РСФСР О. А. ВИКЛАНДТ.
Постановка И. Абрамского, Я. Зискинда, О. Кнорринга.

1. — Здравствуйте, товарищ председатель приемной комиссии! У меня к вам дело. Серьезное. В списке принятых в институт нет моего сына...
— М-да... Хотите пари, что есть?
— ???

Скоро наступит пора приемных экзаменов в институтах. А пройти по конкурсу — о, это так трудно! И, к сожалению, еще не перевелись люди, которые любым способом обходят рифы и мели на пути в науку.

Вот один из таких дельцов — председатель приемной комиссии Н-ского института.

2. — Пятьсот рублей.

3. — Многовато. Двести.

4. — Знаете, его, кажется, действительно в списках нет.

5. — Хорошо, пятьсот! По рукам?

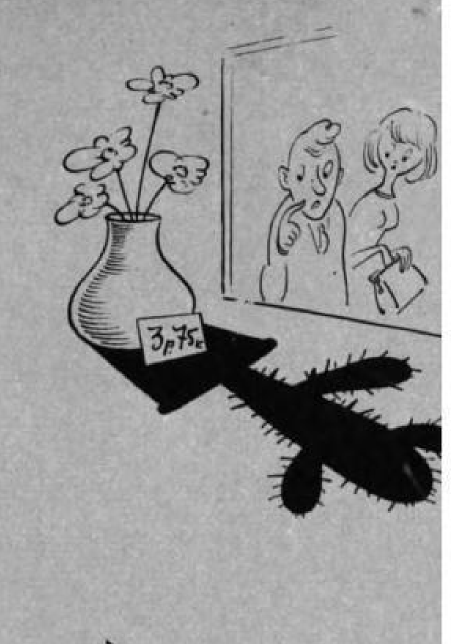

6. — Теперь смотрите: вот его фамилия.

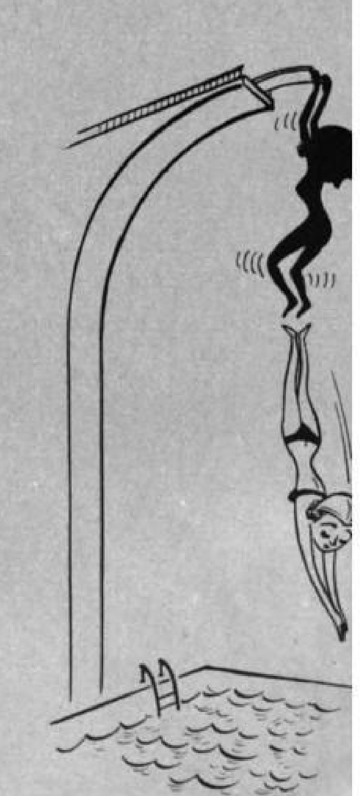
7. — Ну, кто выиграл пари?..

ОТ АВТОРОВ. Бесспорно, что проиграл институт.

Если бы наша тень не умела лгать...

Рисунки Гр. ОГАНОВА.

Цена номера 30 коп.

